

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

***ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ
(РУССКИЙ БЕРЛИН 1919 – 1923 ГГ.)***

Выпускная квалификационная работа

по направлению подготовки 46.04.01 «История»

образовательная программа магистратуры ВМ.5543.2015 «История»

профиль: «История Нового и Новейшего времени»

Выполнил:

студент II курса

очного отделения

Котельников Константин Дмитриевич

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Смолин Анатолий Васильевич

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Русская эмиграция в Германии. Основные характеристики сообщества.....	11
§ 1. Численность эмиграции в Германии в 1919 – 1923 гг.	11
§ 1.2. Численность Русского Берлина	17
§ 1.3. Русский Берлин в 1923 году.....	26
§ 2. Национальный и социальный портрет русской эмиграции в Германии.....	29
§ 2.2. Трансформация социальной структуры.....	35
Глава 2. Проблемы и инструменты адаптации	53
§ 1. Благотворительность и взаимопомощь.....	53
§ 2. «Обременительные иностранцы». Русские эмигранты и германские власти.....	65
§ 3. Русские эмигранты и немцы. Культурный трансфер и замкнутость повседневности.....	73
Заключение	89
Приложения	94
Список использованных источников и литературы	102

Введение

Послереволюционная русская эмиграция стала первым массовым перемещением беженцев не только в новейшей истории России, но и Европы. И русское сообщество за границей, и страны-реципиенты встали перед задачей поиска подхода к решению проблем адаптации множества беженцев. Германия приняла сотни тысяч бывших граждан России, которым предстояло попытаться интегрироваться в чуждую среду. В Берлине русские сформировали сообщество, в рамках которого протекал процесс первых шагов в постоянном проживании десятков тысяч эмигрантов за пределами родины. Период 1919 – 1923 гг., стал для жителей русского Берлина «введением в жизнь на Западе»¹, - ключевые годы в истории русской эмиграции первой волны. Это время первого столкновения и преодоления комплекса проблем адаптации: психологических, социально-экономических, правовых, социокультурных и политических.

Русский Берлин в начале 1919 – 1923 гг. следует рассматривать как один из важнейших этапов в истории эмиграции первой волны. В 1919 г. он формировался как центр русской культурной, общественной и экономической жизни за границей. В 1920 – 1923 гг. десятки тысяч бывших граждан России обрели в немецкой столице постоянное пристанище и включились в интеграционный процесс. В 1923 гг. он был прерван постигшей Германию экономической катастрофой: большая часть русских эмигрантов покинула эту страну для поиска более надежного убежища. В дальнейшие годы отток русских из Германии по экономическим и политическим причинам продолжался, пока от большого сообщества к концу 1930-х гг. не остались единицы. Период 1919 – 1923 гг., избранный нами для изучения, характеризуется, в первую очередь, массовостью русской эмиграции в Германии и ярко проявлявшейся спецификой

¹ По выражению Н.А. Бердяева. Цит. по: *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 280.

адаптационного процесса эмигрантов как национального сообщества со своими социальными, экономическими и политическими институтами.

Увеличение во второй половине XX – начале XXI вв. примеров массовой миграции национальных сообществ во всем мире, в том числе в Европе², как удачных по результату их интеграционного процесса в странах-реципиентах, так и неудачных, актуализирует тему данной работы. Русская эмиграция первой волны стала первым в новейшем времени европейским опытом принятия массового наплыва носителей иной культуры. Изучение проблем адаптации национальных сообществ, в развитии и способах решения которых у разных народов отмечаются схожие закономерности, способствует, по нашему представлению, лучшему пониманию исторического значения событий, подобных русской эмиграции, а также пониманию характера как отторгающих, так и принимающих эмигрантов обществ, их взаимовлияния и общей истории.

При изучении проблем адаптации русских эмигрантов в Германии и в русском Берлине 1919 – 1923 гг., что является целью этой работы, необходим анализ общих характеристик русского сообщества в Германии. Как численность, так и национальный и социальный портрет эмиграции являются дискуссионными темами. Отсутствие убедительных статистических данных, динамичность развития эмиграции порождают многочисленность и противоречивость оценок. В рамках этой работы мы довольно подробно остановились на этих общих характеристиках. Изучение социального состава эмиграции является как попыткой описания сообщества, так и анализом важнейших проблем адаптации русских в Германии – массовой утраты прежнего социального статуса и обретения нового, экономической активности эмигрантов. Помимо этого, нашими задачами являются: рассмотрение деятельности русских и иностранных общественных организаций в Германии и роль русской прессы (как

² Часто, как и русская эмиграция первой волны, такие массовые перемещения в Европу носят беженский характер.

инструмента адаптации); изучение политики германских властей по отношению к проживающим в стране иностранцам; анализ характера отношений между рядовыми немцами и русскими эмигрантами. Структура работы соответствует поставленным задачам.

Аргументом в пользу исследования проблем адаптации русской эмиграции в Германии является также осознание современными историками потребности в разработке этой темы. В течение двадцатого века история русской эмиграции первой волны (не только в Германии, но в целом) не часто оказывалась в центре внимания отечественных историков. В тех относительно редких случаях, когда эта тема имела отношение к задачам историков, эмиграция рассматривалась преимущественно в контексте понимания ее как белогвардейской, политически враждебной по отношению к Советской России. Эта же тенденция прослеживается и в историографии ГДР. Так, А. Андерле, вскользь упоминая в своем труде о внешней политике Германии организованный эмигрантами Берлинский комитет помощи голодающим России, называет даже эту безобидную благотворительную организацию «белогвардейской», наполненной контрреволюционными группами, использующими комитет как инструмент борьбы с большевиками³.

Подход к изучению истории русской эмиграции стал меняться в 1980-е гг. А.А. Пронин, исследовав российскую историографию 1980-2005 гг., пришел к выводу, что к началу XXI в. можно говорить о сложившемся в гуманитаристике разделе «эмигрантоведение». Около 80% (из около 700) исследований об эмигрантах касаются именно первой волны эмиграции⁴. Важной чертой является персонализация изучения эмиграции – более половины работ посвящены отдельным эмигрантам⁵.

³ *Anderle, A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922 – 1929. Berlin: Rütten & Loening, 1962. S. 24.*

⁴ *Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. [Текст]: библиометрический анализ: моногр. / А. А. Пронин. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. С. 228.*

⁵ Там же. С. 229.

Большое количество оказавшихся после революции за рубежом деятелей искусства, политиков, философов, видных общественных деятелей и ученых объясняют сосредоточенность историографии преимущественно на конкретных личностях и вкладе эмигрантов в русскую культуру. Между тем, общие вопросы – социальная история, повседневность и проблемы адаптации эмигрантов как сообщества десятков и сотен тысяч людей в отдельных странах остаются на периферии историографического процесса. Необходимость развития этого направления обозначил крупный немецкий специалист по истории русской эмиграции 1920 – 1930-х гг. в Германии Карл Шлёгель. Выступая против изолированного рассмотрения русского Берлина 1920-х гг. и призывая расширить выбор тем для изучения, он пишет: «Мы знаем очень много о литературе, литературной жизни и литературных фигурах, но почти ничего о других немаловажных вопросах: об источниках дохода, жилье, передвижении [...]. Речь идет не просто о механическом расширении или пополнении тематики, а о новом и более фундаментальном подходе: следует стремиться к изучению миграционных потоков и беженства XX в., к рассмотрению возникновения новых идентичностей, генерирующих новые культурные потенциалы и видоизменяющих и ускоряющих контакты в культурной сфере. Необходимо контекстуализировать диаспору и эмиграцию, в данном случае – ввести ее в контекст берлинского общества и немецкой и европейской истории»⁶. Похожие тезисы о перспективах развития историографии эмиграции выдвигается и А. А. Пронин⁷. В своей главной работе «Берлин, Восточный вокзал...»⁸ К. Шлёгель изучил Берлин как важный центр европейских коммуникаций в 1920-е гг., место встреч различных народов и культурного трансфера. Но взаимосвязь и анализ социальных проблем эмиграции, как и

⁶ Шлёгель К. Русский Берлин: попытка подхода. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 12 - 13.

⁷ Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. С. 230.

⁸ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

некоторые важные ее общие характеристики, осталась для Шлёгеля второстепенным вопросом.

Наиболее проработанный труд о социальной истории и проблемах адаптации эмигрантов принадлежит К. Гусефф. В блестящей работе «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы)»⁹ Гусефф на основе архивных материалов, нарративных источников и прессы изучила комплекс социальных, экономических, политических проблем русских эмигрантов первой волны во Франции в контексте развития всей эмиграции. Исследования Гусефф являются для настоящей работы образцом анализа истории эмигрантов как сообщества. Применение этого подхода возможно и для изучения русских беженцев в Германии. Историки О. Будницкий, А. Полян схожим образом исследовали русско-еврейскую эмигрантскую общину в Берлине¹⁰.

В вопросах изучения социальной истории и проблем адаптации русской эмиграции в Германии российская историография на современном этапе, по нашему представлению, фрагментарна и недостаточно проработана. Так, в работе С. Ипполитова, В. Недбаевского и Ю. Руденцовой¹¹, в которой сделана попытка комплексного рассмотрения основных проблем развития русского Берлина в начале 1920-х гг., некоторые выводы о социальной структуре эмиграции, рынке труда и других аспектах основываются на наблюдениях общего характера и носят предположительный характер. С другой стороны, в многочисленных статьях российских и зарубежных историков, изучавших в том числе неопубликованные источники, мы находим полезный для нас, хорошо обеспеченный источниками анализ ряда сюжетов из истории русской

⁹ *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

¹⁰ *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

¹¹ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: СПАС, 1999.

эмиграции в Германии: правового статуса русских беженцев в Европе¹², деятельности интеллигенции¹³, русских евреев¹⁴, русских немцев¹⁵ и др.

Зарубежная историография русской эмиграции в Германии, в целом, схожа с отечественной в выборе тем для изучения – развитие эмигрантами русской культуры, общественно-политическая мысль¹⁶, деятельность отдельных эмигрантов, национальных групп, влияние русских на формирование фашизма¹⁷ стали наиболее привлекательными аспектами. По сравнению с этими темами, попытка комплексного исследования социальной истории и проблем адаптации требует привлечения больших исследовательских ресурсов. В немецкой историографии наибольший вклад в изучение этой тематики внес в упомянутом выше труде К. Шлөгель, в российской – А. Чередникова¹⁸, С. Ипполитов, В. Недбаевский и Ю. Руденцова.¹⁹

Изолированное изучение отдельных аспектов адаптации бесперспективно: их взаимосвязь формировала общий процесс, в котором наиболее острой проблемой эмиграции в Германии стала социально-экономическая. При неблагоприятном экономическом фоне и

¹² См.: *Лагодзинская Ю.С.* Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 3-4. 2012; *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006; и др.

¹³ *Sheldon R. Shklovsky's "Zoo" and Russian Berlin* // *The Russian Review*, Vol. 29, No. 3 (Jul., 1970) / Published: Wiley on behalf of The Editors and Board of Trustees of the Russian Review; *Böhmig M.* Das russische Theater in Berlin 1919 – 1931 / Michaela Böhmig. München: Sagner, 1990; *Bulgakova O.* Typologie des russischen Emigrantenfilms. Russische Film-Emigration in Deutschland. // *EUROPA ORIENTALIS* 14. 1995, № 2; и др.

¹⁴ *Schlögel K., Tschäpe K.* Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Berlin: Matthes & Seitz, 2014.

¹⁵ *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005; *James E. Casteel.* The Russian Germans in the Interwar German National Imaginary // *Central European History*, Vol. 40, №. 3, 2007; и др.

¹⁶ См. *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. / Авт. перев. с финск. Л.В. Суни. СПб: Издательский дом «Коло», 2004.

¹⁷ См. *Kellogg M.* The Russian roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Published in the United States of America by Cambridge University Press. New York, 2005; *Baur J.* Russische Emigranten in Bayern, 1918-1945. // *Historisches Lexikon Bayerns*, 2006. Доступно из: [http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Russische Emigranten in Bayern, 1918-1945](http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Russische_Emigranten_in_Bayern,_1918-1945) (26.01.2017); и др.

¹⁸ *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005.

¹⁹ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания.

экстремальных условиях, в которых массы беженцев осели в Европе, неподготовленные к жизни за границей, ее решение приобретало для многих эмигрантов характер борьбы за выживание, которое являлось первой ступенью для дальнейшей адаптации. Поддержание необходимого уровня жизни у эмигрантов осложнялось правовыми проблемами в начале 1920-х гг., неравноправием с коренным населением на рынке труда, обесцениваем и ограниченными объемами вывезенных из России капиталов, отсутствием необходимых навыков и социальных связей, психологической травмой, ограничительной политикой германских властей в отношении иностранцев. Наше внимание фокусируется, в первую очередь, на социально-экономической адаптации (во взаимной связи с другими проблемами), процесс которой может быть рассмотрен с помощью источников, имеющихся в нашем распоряжении.

Недостаток точных статистических данных, источников актового характера при изучении проблем адаптации русских эмигрантов в Германии представляет серьезное препятствие для историка. Для его преодоления мы избрали в качестве основного нашего источника периодическую печать. Помимо берлинской газеты «Время», журнала «Бич» и др., наше самое пристальное внимание привлекает главная русская газета «Руль», ежедневно выпускавшаяся в Берлине в 1920 – 1931 гг. Как пишет К. Шлёггел, это наиболее значительная газета эмигрантов²⁰, с большим тиражом, отражающая все стороны жизни русских в Германии. Ее главный редактор И.В. Гессен – один из наиболее активных общественных деятелей русского Берлина. Соотечественники шутили о нем: «Мир стал тесен – всюду Гессен»²¹. Его мемуары²² и, особенно, газета «Руль» (номера 1920 – 1923 гг.) занимают важное место и в данной работе. Используя методы контент-анализа, мы нашли возможным численно обоснованное уточнение структуры рынка, социального состава, восприятия русскими своего

²⁰ Шлёггел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 125.

²¹ Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 245.

²² Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979;

положения за границей и ряда других вопросов. Результаты анализа показывают некоторые тенденции процесса адаптации русских в Германии, способы решений эмигрантами повседневных проблем и их эффективность.

Большое значение имеют для нас нарративные источники, содержащие информацию, верифицирующую данные периодической печати или отсутствующие в ней. Прежде всего, это мемуары жителей Берлина 1920-х гг., как русского²³, и так и немецкого происхождения²⁴, различной социальной и профессиональной принадлежности. История каждого русского в Берлине – ценный индивидуальный опыт адаптации, конкретный пример рассматриваемых нами тенденций. Кроме того, немалый интерес представляют тексты современников, предназначенные для читателей своего времени, как, например, статья немецкого журналиста Й. Рота «Царские эмигранты» (1926 г.) или публикация критика А. Бене о выставке русских художников в Берлине²⁵. В тексте работы мы нередко обращаемся к критическим характеристикам источников и достижений историографии на современном этапе, объясняя наши предположения и выводы. Помимо методов контент-анализа при изучении газеты «Руль», мы пользуемся сравнительным и другими общими историческими методами.

При подготовке работы мы старались максимально привлекать обнаруженные нами новые сведения о различных сторонах адаптационного процесса русской эмиграции в Веймарской республике для подробного анализа ранее недостаточно освещенных аспектов истории русских беженцев в Берлине и в Германии в целом.

²³ *Metternich T.* Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976; *Чеботарев Г.* Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003; и др.

²⁴ *Brockhoff K.* Auf dem Weg ins Dritte Reich. S. 330 – 353. // *Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933.* / Herausgegeben von Jürgen Kleindienst. Reihe ZEITGUT, Bd 3. Berlin: Zeitgut Verlag, 2004; *Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit.* / Herausgegeben von Rudolf Pörtner. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993; *Хафнер С.* История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха / Пер. с нем. Никиты Елисеева под редакцией Галины Снежинской. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2016; и др.

²⁵ *Рот Й.* Берлин и окрестности: [сб. статей и очерков]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013; *Behne A.* On the Russian Art Exhibition in Berlin 1922. // *The Weimar Republic sourcebook* / ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1995.

Глава 1. Русская эмиграция в Германии. Основные характеристики сообщества.

§ 1. Численность эмиграции в Германии в 1919 – 1923 гг.

Германия привлекала русских эмигрантов по нескольким причинам. Страна, до войны имевшая с Россией прочные экономические и культурные связи, была, прежде всего, близка территориально. Государства-лимитрофы, а также Германия и Франция стали основными местами пребывания эмигрантов в первые годы после начала исхода русских за рубеж. Германия была удобным местом для беженцев благодаря удешевлению там после войны стоимости жизни (особенно для обладателей валюты), имевшимся прежде у русской интеллигенции связям с немцами, культурным контактам и привлекла большую часть эмигрантов, полностью или частично этнических немцев (например, прибалтийских немцев). Русские беженцы попадали в центральную и западную Европу тремя основными путями. Десятки тысяч, как литератор Иосиф Гессен в январе 1919 г. и общественный деятель Михаил Андреевский с семьей, – через Финляндию и Скандинавию, что характерно для жителей северо-запада России. Сотни тысяч – через Польшу и Прибалтику: это направление было активным не только после того, как рухнул Восточный фронт Первой мировой войны, но и в конце Гражданской войны и во время голода в России в 1921 г. Еще одна волна беженцев достигла Германии с юга после окончательного поражения армии Врангеля в Крыму в ноябре 1920 года. Большая часть эмигрантов приехала в 1920-1922 гг. И. Гессен, вспоминая о своем опыте эмиграции, писал, что в 1919 г. русская эмиграция в Берлине «была немногочисленна»¹, но в середине 1920 г. русских уже «много прибыло и с каждым днем все больше накапливалось»². Для многих эмигрантов сама Германия стала перевалочным пунктом в путешествиях и движении на Запад – так, например, Татьяна Меттерних вспоминала, как ее семья через

¹ Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. С. 34.

² Там же. С. 52.

Гамбург и Баден-Баден прибыла во Францию, и этот путь проделали «многочисленные русские эмигранты», подобные «стае перелетных птиц»³. Эта динамичность в перемещениях огромного количества эмигрантов по Европе затрудняет и подсчет их численности в целом и в отдельных странах.

Как в источниках актового и нарративного характера, в эмигрантской прессе, так и в специальной исторической литературе наблюдается большой диапазон в оценках численности русской эмиграции в Германии и в Берлине в начале 1920-х гг.: от 200 до 600 тыс. человек в Германии и от 80 до 400 тыс. в Берлине. Причиной этому служит отсутствие надежных статистических данных, развитых систем учета и регистрации эмигрантов немецкими и международными организациями, ошибки учета и уклонение от него, пестрота и изменчивость эмигрантского сообщества. Зачастую цифры указываются без привязки к конкретной дате, без анализа динамики и критики источников (нередко имеющих характер слухов), упоминающих о численности эмигрантов. Само сообщество эмигрантов также отличается вольным определением – в число эмигрантов включаются абсолютно все выходцы из Российской империи, в том числе военнопленные и интернированные граждане, лица различных национальностей, обособлявшие себя от эмигрантского сообщества (например, немцы, проживавшие прежде на территории России).

При изучении численности российской эмиграции в Берлине мы исходим из следующего определения эмиграции: в нее включаются граждане Российской империи и РСФСР, самостоятельно избравшие Германию в качестве места своего пребывания в 1919-1923 гг.⁴, а также относящие себя к российской эмиграции. К этой категории не относили себя некоторые группы евреев и десятки тысяч немцев, считавшие себя вернувшимися на родину. Около 60 000 немцев из России прибыли в

³ *Metternich T.* Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976. S. 28.

⁴ К этой категории также относятся военнопленные, при освобождении из лагерей принявшие решение остаться в немецком государстве.

Германию к концу Первой мировой войны, еще несколько тысяч - к весне 1922 г.⁵, и их реэмиграция продолжалась до конца 1920-х гг. Исследователи миграционных процессов в Веймарской республике Олтмер Й., Кэстил Дж., Р. Бриденталь подчеркивают обособленность русских немцев и их адаптацию в Германии в качестве именно «немцев»⁶.

К числу русской эмиграции не следует причислять и советских политических деятелей, дипломатов и граждан, находившихся в Германии временно и по долгу службы, а также лиц, определенных немецкими властями для пребывания в лагерях. Абсолютное большинство военнопленных и интернированных в конечном итоге было отправлено из Германии в Россию. По выражению Гессена И.В., они «скупо просачивались» в эмигрантское сообщество⁷. В июне 1921 г., по данным советского бюро военнопленных в Берлине, в Германии оставалось всего 11 000 ожидающих скорой отправки на родину интернированных⁸. К декабрю 1921 г. их оставалось уже около 3,5 тыс., часть из которых уходила на работу в окрестностях, увольнялась из лагерей и приобретала статус свободных иностранцев⁹.

Известно, что из числа военнопленных и интернированных в 1919 – 1922 гг. лишь несколько тысяч человек приняли решение остаться в Германии на продолжительное время или с целью постоянного проживания и влились, таким образом, в общину русских эмигрантов¹⁰. К апрелю 1921 г. занимавшееся делами военнопленных демобилизационное управление Германии зарегистрировало 3 480 отказавшихся от возвращения в Россию¹¹. О подобных изменениях сообщали эмигрантские газеты. Например, 4 мая

⁵ *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 154 – 155.

⁶ *James E. Casteel.* The Russian Germans in the Interwar German National Imaginary // *Central European History*, Vol. 40, №. 3, 2007. P. 452.

⁷ *Гессен И.В.* Годы изгнания. С. 34.

⁸ Руль. 1921. 10 июня.

⁹ Руль. 1921. 2 декабря.

¹⁰ *Колосова В.О.* Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922) // *Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 144-145.*

¹¹ Руль. 1921. 24 апреля.

1921 г., когда часть лагерей ликвидировались, газета «Руль» писала, что в Берлин прибывают военнопленные и интернированные, где решается их дальнейшая судьба – трудоспособные беженцы имели право на частный найм и проживание в городе¹². Порой насильно оторванным от дома людям такие решения давались непросто – газета сообщала об одном военнопленном, вернувшемся в Советскую Россию и, пробыв там полтора месяца, увидевшего разруху, массовую нищету и голод. Под впечатлением от этого зрелища он принял решение, не заезжая домой, пешком через Литву вернуться в Германию, избегая пограничные заставы¹³.

К сфере нашего интереса (проблемы адаптации) относятся эмигранты, находившиеся в Берлине относительно продолжительное время, то есть имевшие потребность в интеграции и устройстве своей жизни в Германии и в той или иной степени включенные в жизнь русского эмигрантского сообщества, в его культурное, социальное и коммуникативное пространство. В историографии русской эмиграции в Германии преобладает несколько оценок ее численности. Одна из наиболее высоких, 560 тыс. человек на ноябрь 1920 г. (еще не время пика числа русских эмигрантов), исходит от Американского Красного Креста, и, упомянутая в труде Х.Е. Фолькманна, распространилась в поздних работах других авторов¹⁴. Сомнения в этой оценке связаны с тем, что Американский Красный Крест учитывал всех русских, бывших в Германии даже проездом, военнопленных и всех обращавшихся за помощью (что могло совершаться одним человеком неоднократно). Некоторое время историки опирались на эти данные, не подвергая их серьезной критике. Так их упоминал немецкий историк Э. Дран в статистическом обзоре русской эмиграции¹⁵, изучавшие Русский

¹² Руль. 1921. 4 мая.

¹³ Руль. 1921. 3 марта.

¹⁴ Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 181.

¹⁵ Drahn E. Russische Emigration. Eine kulturstatistische Studie. // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics, Bd. 89, H. 1, 1930. P. 125.

Берлин Харина Н.А.¹⁶, Сабенникова И.В.¹⁷, Александров С.¹⁸ и другие. Критический взгляд на данные Красного Креста как на завышенные присутствует в работах Симпсона Дж., Олтмера Й., Фолькманна Х.Е., Руднева В., Хрисанфова В.И. и других исследователей¹⁹. Однако, объясняя причины ошибочности данных Красного Креста, сами историки вынуждены снижать их, исходя также из мало обоснованных предположений: так, например, Фолькманн просто снизил оценку до 300 тысяч эмигрантов в Германии на 1921-1922 гг. вместо 560 тыс.²⁰

Распространенными также являются и высокие оценки количества русских в Берлине в начале 1920-х гг. Оценка в 360 тысяч (в 1922-1923 гг.), исходящая от Международного общества помощи беженцам и министерства иностранных дел Германии, нередко используется без должных критических характеристик²¹. А.Ю. Чередникова при этом указывает, что это количество основывается на подсчетах поданных в Берлине обращений бывших русских подданных на получение вида на жительство. Мы согласимся с Хрисанфовым В.И., что и эта цифра является завышенной²². Часть обращений не удовлетворялась, они могли подаваться неоднократно и коллективно (например, семьями), ряд документов, подтверждающих право на пребывание в Берлине, нуждался в продлении, и заявления подавались

¹⁶ Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы) // Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 152.

¹⁷ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социо-культурный феномен. // Мир России, 1997, №3. С. 177.

¹⁸ Александров С. Возникновение зарубежной России. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 15. М.: АИРО-XX, 2006. С. 39.

¹⁹ См. Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность: историографическое исследование о численности "первой волны" российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. С. 99; Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 263; Руднев В. Несколько цифр. С. 232 – 238. // Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001.

²⁰ Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. / Авт. перев. с финск. Л.В. Суни. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 46.

²¹ См. Borosnjak A., Oberloskamp E. Das "Russische Deutschland" in den zwanziger Jahren. // Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung – Das 20. Jahrhundert. / Herausgegeben von Horst Möller und Alexander Tschubarjan. München: Oldenbourg Verlag, 2014. S. 65-75. S. 65; Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции. С. 181; Суомела Ю. Зарубежная Россия. С. 46; Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). С. 152; и др.

²² См. Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность...

одними и теми же лицами до нескольких раз в год, а общая их сумма могла быть искусственно увеличена по политическим мотивам²³.

На эти данные о численности эмигрантов в Берлине (360 тыс.) опирается и немецкий историк К. Шлэгель, на сегодняшний день один из наиболее признанных специалистов по истории русской эмиграции в Германии²⁴. В своем главном труде «Берлин, Восточный вокзал» он указывает численность эмигрантов в Берлине до 300 тыс²⁵. При этом на одной из конференций Шлэгель упомянул, что такого числа русская община достигала в период с 1920 по 1924 год, однако не открыл источник этих данных²⁶. Можно предположить, что цифра исходит от упоминаемых эмигрантами «официальных данных», согласно которым в Германии на 1 марта 1921 г. насчитывалось 300 тыс. русских беженцев²⁷. Эта же цифра упоминалась берлинской газетой «Руль» 6 октября 1923 г., но уже применительно к одному только Берлину и с указанием на источник информации – «слухи»²⁸.

В историографии фигурируют и меньшие цифры, от 100 до 250 тыс. жителей Русского Берлина и Германии во время «расцвета» эмигрантского сообщества в 1921-1923 гг. Период 1919 – 1920 г. занимает малое место в поле зрения исследователей, так как он отличается скупостью имеющихся данных и можно лишь предположить, что до второй половины 1920 г. речь могла идти о тысячах в 1919 г. и в 1920 г. о десятках тысяч человек в Германии и Берлине, с учетом тех, кто находился в ней проездом²⁹. В этот период Русский Берлин находился на стадии становления, в начале

²³ Во второй главе рассматриваются непростые отношения русских эмигрантов и немецкого государства.

²⁴ *Schlögel K. Stiefmütterchen Berlin. // ZEIT Geschichte, № 4/2015, 17. S. 1.* Доступно из: <http://www.zeit.de/zeit-geschichte/2015/04/russen-in-deutschland-berlin-charlottenburg-russlanddeutsche-wuensdorf> (15.02.2017)

²⁵ *Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 18.*

²⁶ *Шлэгель К. Русский Берлин: попытка подхода. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 10.*

²⁷ *Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 180.*

²⁸ *Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 100.*

²⁹ Там же. С. 95.

процесса реконструкции социальных институтов, необходимых русской диаспоре.

Наиболее критически к определению численности русских эмигрантов в Германии подошел историк Хрисанфов В.И. в работе, специально посвященной изучению численности беженцев из Российской империи в разных странах³⁰. На основе исследования историографии русского зарубежья и сравнения этих данных с имеющимися в эмигрантской периодической печати он пришел к выводу, что историки вслед за прессой существенно завышают численность русских эмигрантов, указывают зачастую противоречивые подсчеты, недостаточно или совсем не обоснованные. Однако, констатируя, что имеющиеся в историографии оценки численности беженцев завышены, отрицая, что в Берлине в определенный момент одновременно жили сотни тысяч эмигрантов, Хрисанфов вместе с тем не приводит данные об их возможной численности в Германии и отдельно Берлине. Развить сомнения Хрисанфова и, возможно, сделать такое уточняющее предположение (прежде всего, нас интересует Берлин как место наибольшего сосредоточения беженцев), позволяют, на наш взгляд, некоторые данные, приводящиеся в эмигрантской прессе, косвенные свидетельства в комплексе нарративных источников и оценочные суждения современников.

§ 1.2. Численность Русского Берлина

Берлинские газеты, оперировавшие в оценках численности эмигрантов непроверенными данными, имеющими характер предположений, отличались в их публикации непоследовательностью. Так, главная эмигрантская газета «Руль» 25 ноября 1920 г. сообщала, что «число русских граждан, проживающих в настоящее время в Берлине, достигает 100 000 человек», и по некоторым данным, их еще больше³¹. Немного позднее, 23 января 1921 г. «Руль» писал уже о 50 тыс. русских эмигрантов в

³⁰ Там же.

³¹ Руль. 1920. 25 ноября.

Берлине³², а 7 марта – об «около 80 000»³³. Столь же сомнительные данные приводились о численности русских граждан во всей Германии – 5 января 1922 г., ссылаясь на предположения Министерства внутренних дел и газеты «Morgenpost», «Руль» писала о 230-250 тыс. эмигрантов³⁴. Газета «Общее дело», в октябре 1920 г. сообщавшая о 100 тыс. русских беженцев в Германии, вскоре увеличила свою оценку вдвое³⁵. Немецкие газеты давали также предположительные данные. Так, газета «Берлинер Тагеблатт» («Berliner Tageblatt») писала 24 декабря 1921 г., что в Берлине, по некоторым сведениям, проживают около 100 тысяч русских, и еще около 20 тыс. – в других городах Германии³⁶.

Газеты периодически публиковали данные о численности эмигрантов, получая их не только благодаря имевшим хождение слухам, но и от официальных ведомств – например, полиции и городского квартирного бюро (Polizeipraesidium; Wohnungsamt), регистрировавших иностранцев и дававших право на проживание в городе. Эти данные разительно отличаются от предположений. В том же номере в декабре 1921 г. «Берлинер Тагеблатт» сообщил, что полицией зарегистрировано в Берлине всего 13 766 русских эмигрантов³⁷. К 3 июля 1922 г. количество зарегистрированных беженцев несколько увеличилось – до 16 658 русских и 3 631 украинцев (из 141 222 бывших в городе иностранцев), которые также были включены в жизнь эмигрантского сообщества³⁸. Надо заметить, что количество вновь зарегистрированных в Берлине эмигрантов было последовательно невысоким. Например, с июля по декабрь 1920 г. в Берлине зарегистрировались 6 985 русских³⁹, а в январе 1921 г. – 1008⁴⁰.

³² Руль. 1921. 23 января.

³³ Руль. 1921. 7 марта.

³⁴ Руль. 1922. 5 января.

³⁵ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 95.

³⁶ Berliner Tageblatt. 1921. 24. Dezember.

³⁷ Ibid.

³⁸ Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 99.

³⁹ Руль. 1921. 30 января.

⁴⁰ Руль. 1921. 4 марта.

Значительное количество эмигрантов избегали регистрации – она была необходима для получения права на помещения, распределяемые городом между нуждающимися, но ее отсутствие не мешало снимать квартиру или комнату в пансионе. Полиция регулярно устраивала облавы в людных местах для выявления нелегально проживающих в городе иностранцев. В марте 1922 г. несколько русских подданных без надлежащих документов было обнаружено полицией во время облавы в ресторане «Стрельна»⁴¹. Чуть ранее, 31 января 1922 г. полиция обыскала целый ряд ресторанов, где задержала «много иностранцев, давно высланных из Берлина, но не исполнивших распоряжения полицайпрезидиума. Во время обыска в одном из ресторанов внимание агентов полиции обратила на себя телефонная будка, запертая снаружи висячим замком. Дверь была открыта: в будке оказался русский подданный, давно разыскиваемый полицией»⁴². Уклонение части эмигрантов от учета делает невозможным и точное определение их численности в Берлине. Если использовать встречающуюся оценку в 100 тыс., и вычесть зарегистрированных к июлю 1922 г. (около 20 тыс.), то получится, что до 80 тысяч человек, то есть очень многие, включая женщин и детей, вынуждены были опасаться преследования полиции. В 1920-е гг. нелегальный переход границ и проживание в Германии были не редкостью. Полицайпрезидент В. Рихтер, комментируя облаву в «Стрельне», утверждал, что «многие [из иностранцев – К.К.] перешли незаконно границу или злоупотребляют оказанным им гостеприимством»⁴³. Однако по сведениям германского министерства внутренних дел особенно много эмигрантов прибыло в Германию без соблюдения предписаний о паспортах в 1919 году⁴⁴, когда численность эмигрантов не была столь высокой, как в 1921-1923 гг. При этом германские власти постоянно стремились выявлять нарушителей и ловили их даже в телефонных будках.

⁴¹ Руль. 1922. 21 марта.

⁴² Руль. 1922. 3 февраля.

⁴³ Руль. 1922. 23 марта.

⁴⁴ Руль. 1922. 5 января.

Многие жили под постоянной угрозой принудительной репатриации, отправки в лагерь⁴⁵ или потери работы из-за отсутствия документов. В. Александров вспоминал, что «документы проверяли почти каждый месяц»⁴⁶. Понимание трудностей такой жизни, особенно для семейных беженцев, ставит под сомнение предположение, что нелегально проживающих в Берлине русских эмигрантов было в разы больше зарегистрированных. Вместе с тем необходимо заметить, что для состоятельной части эмиграции коррупция давала многочисленные пути обхода установленных законодательством правил, и для этого слоя эмиграции смягчала полицейское давление⁴⁷.

Эти и другие данные не соответствуют предположениям о более чем 100 тыс. русских в Берлине и, тем более 300 тыс, одновременно проживающих в Берлине значительное время. Существенным фактором, говорящим против таких оценок, является также перманентная нехватка квартир в Берлине в послевоенное время. Берлин, будучи промежуточным пунктом в движении беженцев с востока на запад, интернациональный город, производил впечатление очень большой населенности иностранцами, являющимися конкурентами для немцев в вопросе получения дефицитных благ - квартир и работы. Для немецких граждан Берлина не хватало более одного миллиона помещений⁴⁸. Городские власти отстаивали интересы коренного населения. На одном из заседаний берлинского законодательного собрания в сентябре 1921 г. представитель демократической фракции Левин предлагал и впредь оставаться склонными к тому, чтобы предоставлять свободные помещения, прежде всего, местным жителям⁴⁹. Местные квартирные бюро придерживались этого принципа на практике. В июле

⁴⁵ Рувль. 1921. 6 декабря.

⁴⁶ Цит. по: *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 184.

⁴⁷ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: СПАС, 1999. С. 55.

⁴⁸ *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 48.

⁴⁹ Рувль. 1921. 1 октября.

1921 г. в районе Шёнеберг (недалеко от Шарлоттенбурга, где русских эмигрантов находилось больше всего) проживало всего 116 зарегистрированных русских⁵⁰.

Для иностранцев также была установлена большая плата за жилье по сравнению с немецкими гражданами. Более доступными (и не всегда требующими для проживания регистрации в полиции) являлись меблированные комнаты, гостиницы и пансионы, аренда квартир у частных собственников⁵¹. Учитывая ограничительную политику квартирного бюро, главный район, где сосредоточились эмигранты – Шарлоттенбург, едва ли мог вместить в себе 100 тыс. эмигрантов и более, так как сам район, занимающий около 7% пространства города с населением около 4 млн человек⁵², отличался плотной населенностью немцами. В предыдущие два десятилетия плотность населения в районе стремительно увеличивалась. По данным «Статистического бюро Берлина», в 1900 г. в Шарлоттенбурге проживало 192 тыс. человек, в 1910 г. – уже 308 тыс., в 1919 г. – 325 тыс⁵³. Увеличивалось население и в начале 1920-х гг., но уже не так существенно – в 1924 г. оно составляло около 340 тыс. человек⁵⁴. При этом сложно представить, что район, в источниках и литературе фигурирующий как главное место проживания эмигрантов в Берлине⁵⁵, смог вместить сотни тысяч русских в условиях нехватки квартир и плотной заселенности немцами. Более вероятно, что преувеличение численности основывается не на точных наблюдениях, а произрастает из впечатления, которое оказывали десятки русских вывесок, русская речь и заметная культурная жизнь.

Вместе с тем, впечатлению огромности русской диаспоры способствовали несколько факторов, используемых для этого и в

⁵⁰ Рувль. 1921. 2 июля.

⁵¹ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 388.

⁵² См. Приложение № 1.

⁵³ Statistisches Taschenbuch der Stadt Berlin. Berlin: Statistisches Amt der Stadt Berlin, 1924. S. 3.

⁵⁴ Bevölkerungsentwicklung. // Berlin.de / Bezirksamt Charlottenburg-Wilmersdorf. Доступно из: <https://www.berlin.de/ba-charlottenburg-wilmersdorf/ueber-den-bezirk/sonstiges/zahlen-und-fakten/artikel.229920.php> (09.03.2017)

⁵⁵ Реже упоминаются Вильмерсдорф (Wilmersdorf), Шёнеберг (Schöneberg) и др.

историографии в качестве доводов высокой численности. К. Шлегель пишет: «В 20-х годах в Берлине осели сотни тысяч русских эмигрантов, он стоял на первом месте по числу русских издательств и редакций газет»⁵⁶. Подобные связки встречаются и в других работах, хотя само по себе большое количество русских предприятий и организаций без информации о числе их потребителей и без учета других факторов, благоприятствующих их появлению (многие предприятия, как это часто бывает, были однодневками), не подтверждает предположение о сотнях тысяч эмигрантов. Так, исследовательница Е. Рютт перечисляет основные условия, благодаря которым именно в Германии было много русских издательств (помимо большого количества эмигрантов-литераторов): либеральное законодательство о прессе, большое количество оборудования для печати на русском языке, дешевое производство в период инфляции, особенно для иностранных инвесторов⁵⁷. Потребителями их продукции были не только эмигранты, непосредственно находившиеся в Берлине. У главной берлинской эмигрантской газеты «Руль» самый коммерчески успешный период ее развития пришелся на время самого большого количества эмигрантов в Берлине – 1921-1923 гг. И даже в это время ее тираж составлял не 100 000, а только 20 000 экземпляров⁵⁸, и только часть его реализовывалась в Берлине – газета рассылалась в 396 городов 34-х стран мира⁵⁹. С конца 1923 г., когда многие эмигранты покинули Германию, положение газеты существенно ухудшилось, сильно упал тираж, редакцию «ударил в хвост и гриву» и она уже прибегала к частным пожертвованиям⁶⁰.

Эмигрантам, повседневная жизнь большинства которых разворачивалась в Шарлоттенбурге при постоянном контакте с

⁵⁶ Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 23.

⁵⁷ Rütt E. Die in der Zwischenkriegszeit (1919 – 1939) in Deutschland herausgegebene russischsprachige Presse und die Perspektiven ihrer Digitalisierung / von Evgeniya Rütt. Berlin: Institut für Bibliotheks- und Informationswissenschaft der Humboldt-Universität zu Berlin, 2014. S. 14.

⁵⁸ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 139.

⁵⁹ Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 248.

⁶⁰ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 148.

соотечественниками, тоже казалось, что русских в Берлине, как пишет живший в этом районе И. Эренбург, «очень много – на каждом шагу можно было услышать русскую речь»⁶¹. Эмигранты шутили – в Германии чаще можно услышать русский, чем немецкий язык⁶². Немцы отвечали взаимным юмором – сотрудник германского МИД на одной русско-немецкой встрече сказал: «Нам скоро не будет места у себя дома»⁶³. Андрей Белый писал, что немецкая речь вызывает в Шарлоттенбурге удивление: «Немцы? Что они ищут в нашем городе?»⁶⁴ Русские, которые вели активную культурную жизнь и открыли много своих заведений на Курфюрстендамм, одном из главных проспектов города, были в это месте заметны. Гессен писал: «Беженцы составляли горсточку в четырехмиллионном Берлине и, казалось бы, должны в нем раствориться, а сумели они так намозолить немцам глаза...»⁶⁵ Популярный анекдот того времени повествует о немце, который, прогуливаясь по Курфюрстендамм, слышал только русскую речь, и, придя домой, повесился от тоски по родине⁶⁶. Некоторая часть эмигрантов вела шумный образ жизни, проводя время в увеселительных заведениях после комендантского часа в депрессивном послевоенном Берлине. Один из персонажей писателя В. Шкловского говорит собеседнику: «В Берлине нельзя, невежливо говорить на улицах громко по-русски. Ведь сами немцы почти шепчут»⁶⁷. Озвучивалось, однако, и иное мнение на счет «заметности» эмигрантов, но не в Шарлоттенбурге, а в Берлине в целом. Некий В. Тар в марте 1921 г. в газете «Свобода» писал: «...русских в

⁶¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга третья и четвертая. М., «Советский писатель», 1963. С. 27.

⁶² Borosnjak A., Oberloskamp E. Das "Russische Deutschland" in den zwanziger Jahren. S. 65.

⁶³ Цит. по: Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 182.

⁶⁴ Bely A. Wie schön es in Berlin ist. S. 56 – 68. // Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film. / Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1990.

⁶⁵ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 139.

⁶⁶ Sheldon R. Shklovsky's "Zoo" and Russian Berlin // The Russian Review, Vol. 29, No. 3 (Jul., 1970) / Published: Wiley on behalf of The Editors and Board of Trustees of the Russian Review. P. 263.

⁶⁷ Шкловский В. Zoo. Письма не о любви или Третья Элоиза. Берлин, 1923. Доступно из: <http://www.marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml> (17.03.2017)

Берлине много, но они не бросаются в глаза в массе 4-миллионного населения»⁶⁸.

Противоречивые свидетельства жителей русского Берлина могут говорить не только о действительно высокой численности эмигрантов, постоянно или временно проживающих в Берлине, но и о замкнутости их сообщества, способствующей впечатлению об очень большой численности. В. Андреев, Л. Лунц и другие русские берлинцы писали об том, что русские мало контактировали с немцами⁶⁹. Общавшиеся только с редко покидавшими Шарлоттенбург соотечественниками, эмигранты, как В. Шкловский, легко могли поверить прессе, что целых «триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города»⁷⁰. Наиболее взвешенный взгляд на подсчет количества эмигрантов в Берлине мы встречаем в воспоминаниях другого русского берлинца, В. Андреева: «Берлин оказался чем-то вроде узловой станции – куда бы ни стремился русский эмигрант, на некоторое время он задерживался в Германии в ожидании «окончательной» визы. Говорили, что русское население Берлина в начале 20-х годов достигало двухсот или даже четырехсот тысяч человек. Меня не удивила бы вторая цифра, если взять период за три года – с 1921-го по 1924-й: кто только не оказывался берлинским жителем хотя бы на короткий срок!»⁷¹ О значении Берлина как пункта остановки для путешественников писал и М. Шагал: «После войны Берлин стал чем-то вроде караван-сарая, где встречались все путешествующие между Москвой и западом...»⁷². Многие, как А. Белый, В. Шкловский и И. Эренбург, не связывали с Берлином свое будущее и вернулись в Россию. Сильную динамику изменения количества беженцев в Германию отмечают не только

⁶⁸ Цит. по: *Хрисанфов В.И.* Российский "исход": мифы и реальность... С. 97.

⁶⁹ Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 6.

⁷⁰ Цит. по: *Тиме Г.А.* Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919 – 1939) / Г.А. Тиме; [отв. ред. Р.Ю. Данилевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 51.

⁷¹ *Андреев В.* История одного путешествия. // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 54.

⁷² Цит. по: *Боулт Дж.* Бегство в Берлин. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 224.

В. Андреев, И. Гессен и М. Шагал, но и историки Хрисанфов В.И., Колосова В.О.⁷³

Таким образом, уже в синхронных источниках, а затем и в историографии наблюдается большой диапазон данных о численности русских эмигрантов в Германии и Берлине, носящих в основном предположительный, противоречивый и непоследовательный характер. Источники личного происхождения, упоминая завышенные оценки, исходящие от благотворительных организаций, нередко дают свидетельства, ставящие эти оценки под сомнение. Причины завышения данных о численности эмигрантов благотворительными организациями (например, Американским Красным Крестом, насчитавшем 560 тыс. русских в Германии в 1920 г.) разнообразны – как упоминалось выше, это и ошибки учета, и опора на сомнительные критерии, и, возможно, намеренное завышение. Благотворительные организации всегда заинтересованы в убедительной аргументации для поиска финансирования и обосновании собственной активности. Примером может служить тот факт, что при решении в Лиге наций вопроса о создании Верховного комиссариата по делам русских беженцев самым веским аргументом в пользу этого шага стал развеивающий сомнения тезис об огромных масштабах эмиграции и этой проблемы⁷⁴.

Однако, опираясь на официальные данные квартирных бюро и полиции, зарегистрировавших гораздо меньшее количество эмигрантов в Берлине (около 20 тыс. летом 1922 г.), а также на ряд других перечисленных косвенных свидетельств, слабо коррелирующих с оценками в сотни тысяч русских, проживающих в немецкой столице в 1921-1923 гг., можно предположить, что даже в период «расцвета» русского Берлина в городе постоянно проживало лишь несколько десятков тысяч эмигрантов. Это

⁷³ См. *Хрисанфов В.И.* Российский "исход": мифы и реальность...С. 89 – 106; *Колосова В.О.* Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922). С. 145;

⁷⁴ *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Бейсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 59.

число не могло достигать 300 тыс., и, даже с учетом русских, пребывающих в городе проездом, краткое время, едва ли составляло одновременно, продолжительно и часто фигурирующие 100 тыс. Несколько десятков (а не сотен) тысяч вполне могли обеспечить функционирование имеющихся в городе русских предприятий и, учитывая большую концентрацию русских в одном районе и замкнутость их сообщества, породить совместно с прессой, благотворительными организациями и людьми, бывшими в Берлине проездом, впечатление более чем 100-тысячной или даже 300-тысячной диаспоры. Это впечатление усиливалось оттого, что расселение сотен тысяч эмигрантов в Западной Европе в течение двух-трех лет – явление для его современников беспрецедентное, новое, действительно впечатляющее. Однако Берлин, испытывающий нехватку жилья, ведущий ограничительную политику по отношению к иностранцам, не благоприятствовал такому количеству – ста и, тем более 300-м тысячам русских сожителей. Можно, вслед за В. Андреевым, предположить большое количество русских (сто и более тысяч), побывавших в Берлине проездом в 1921 – 1924 гг., а не одновременно в сжатый срок, но лиц, являющихся объектом нашего внимания – проживающих в городе несколько месяцев или лет и включенных в жизнь эмигрантского сообщества и процесс адаптации в Германии, было значительно меньше. В то же время период, в который они создали и развивали сообщество как инструмент адаптации, относительно краток – мы рассматриваем его в рамках 1919 – 1923 гг., и нижняя граница имеет для нас особое значение.

§ 1.3. Русский Берлин в 1923 году.

1923 год – переломный в истории Веймарской республики: резкие перемены произошли во внешней политике, внутренней политике и экономическом развитии. На фоне гиперинфляции, массового политического потрясения и ожидания полной катастрофы произошел перелом в истории выросшего и осознавшего себя Русского Берлина и его институтов. Общим местом в источниках и историографии является связь,

прежде всего, экономических потрясений в Германии и резкого оттока эмигрантов из Берлина. Как пишет К. Шлёгел, произошло «стремительное исчезновение русской колонии»⁷⁵.

Многих вынудила уехать резко возросшая безработица и массовые увольнения с работы, даже низкоквалифицированной, которая в новых условиях приобрела «популярность» у немцев⁷⁶. Беженцы покидали Германию и уезжали, в основном во Францию и, позднее, в США, которые стали более привлекательны по сравнению с нестабильной Германией⁷⁷. Безработица и возросшая конкуренция побуждали немецкие власти усилить ограничительную политику по отношению к иностранцам – ужесточение правил при выдаче удостоверений личности⁷⁸, пятикратное увеличение налога на жилые помещения в марте 1923 г.⁷⁹ и другие меры дополняли безрадостную картину. Интересно, что ухудшение положения для многих эмигрантов было вызвано как беспрецедентной инфляцией, так и завершившей ее дефляцией. «После дефляции русский Берлин стал быстро пустеть...»⁸⁰, - вспоминал И. Гессен. Инфляция вызвала отток тех, кто получал доходы в Германии в марках, дефляция – тех, кто еще обладал валютными источниками дохода и для кого инфляция была преимуществом.

Помимо экономических проблем, угрожающих непосредственно выживанию большей части эмигрантов, влияло на отток и психологическое напряжение, которому подверглось в 1922 – 1923 гг. все население Германии. Берлинец С. Хафнер так описывал 1923 год: «Ни у кого не было этого гигантского, карнавального танца смерти, этих нескончаемых, кроваво-гротескных сатурналий, когда были обесценены не только деньги,

⁷⁵ Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 169.

⁷⁶ Колосова В.О. Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922). С. 173.

⁷⁷ См. Колосова В.О. Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922). С. 173; Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 66.

⁷⁸ Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 367.

⁷⁹ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. С. 389.

⁸⁰ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 143.

но и все человеческие ценности»⁸¹. И. Эренбург вспоминал: «Осенью 1923 года всем казалось, что Германия накануне гражданской войны. Стреляли в Гамбурге, в Берлине, в Дрездене, в Эрфурте. Говорили о коммунистических «пролетарских сотнях», о «черном рейхсвере» фашистов. [...] Гроза представлялась неминуемой. [...] Два года я прожил в Берлине с постоянным ощущением надвигающейся бури...»⁸².

Особенно отчетливый рубеж, после которого русские стали покидать Берлин – осень 1923 года, пик экономических пертурбаций. 16 октября 1923 г. «Информационный листок» Земгора (одна из русских общественных организаций) писал: «Политическое состояние Германии таково, что побуждает русских, имеющих средства и надежду на заработок вне Германии, уезжать отсюда. Почти все состоятельные люди уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции»⁸³. Историк Р. Вильямс, помимо Франции, Чехословакии и Балкан указывает как важное направление отъезда эмигрантов Советскую Россию – этому выбору способствовали развитие сменовеховского движения и усиливавшееся с 1922 г. внимание публики к его главному изданию (газета «Накануне») на фоне улучшения положения в России и ухудшения положения эмиграции⁸⁴.

Отразившиеся в источниках перемены свидетельствуют о большом масштабе оттока русских беженцев из Германии. Об этом писали и Р. Гуль, И. Пузино⁸⁵, И. Гессен⁸⁶ и В. Андреев, по словам которого после стабилизации марки «русский Берлин пошел прахом» и к 1925 г. там

⁸¹ Хафнер С. История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха / Пер. с нем. Никиты Елисеева под редакцией Галины Снежинской. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. С. 60.

⁸² Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С. 86 – 88.

⁸³ Цит. по: Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социо-культурный феномен. С. 179.

⁸⁴ Williams R.C. “Changing Landmarks” in Russian Berlin, 1922-1924. // Slavic Review, Vol. 27, № 4, 1968. Association for Slavic, East European, and Eurassian Studies. P. 588.

⁸⁵ См. Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

⁸⁶ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 82.

осталась уже «едва ли не десятая доля» прежней массы эмигрантов⁸⁷. Чиновники Лиги наций все еще считали в тот момент, что в одном только Берлине проживает 150 тыс. эмигрантов⁸⁸. По более скромным данным германского правительства, к 1925 г. число русских беженцев во всей Германии составляло 50 тыс. человек⁸⁹. А в 1927 г. житель русского Берлина, некто В. Неллин, констатировал: «Русский Берлин мертв»⁹⁰. Как и в случае с определением общей численности эмигрантов в 1920-1923 гг., невозможно точно оценить количество оставшихся в Берлине и покинувших его в 1923 г. Десятки тысяч не укоренились и уехали в поисках более безопасного места, и русское эмигрантское сообщество практически распалось. Остались те – возможно, уже не десятки, а тысячи – кто лучше адаптировался и, имея в Германии работу, постоянный доход и социальные связи для поддержания приемлемого уровня жизни, в течение нескольких лет растворился среди местных, интегрировался. Изучение социального состава русской эмиграции в Германии и трансформации социального статуса эмигрантов в 1920 – 1923 гг. позволит сделать некоторые предположения о том, какую долю в общем числе эмиграции составили беженцы, адаптировавшиеся к жизни в Германии и определить инструменты адаптации.

§ 2. Национальный и социальный портрет русской эмиграции в Германии.

Русская эмиграция в Германии и в целом была весьма пестрой как по социальному, так и по национальному составу. Количественное измерение отдельных социальных слоев и национальных групп – задача еще более затруднительная, чем определение численности эмиграции. В исследовании этого вопроса из-за нехватки точных статистических данных и динамичных изменений социального состава эмиграции также нередко приходится

⁸⁷ Андреев В. История одного путешествия. С. 54-57.

⁸⁸ Суомела Ю. Зарубежная Россия. С. 46.

⁸⁹ Хрисанфов В. И. Российский "исход": мифы и реальность... С. 102.

⁹⁰ Цит. по: *Böhmg M. Das russische Theater in Berlin 1919 – 1931 / Michaela Böhmg. München: Sagner, 1990. S. 16.*

оперировать предположениям и косвенными свидетельствами разного рода профессиональной и экономической активности эмигрантов.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению имеющихся у нас данных относительно социальной структуры, следует остановиться и на национальном разнообразии *русской* эмиграции. Под этим определением понимаются, как правило, все бывшие граждане Российской империи, осевшие за рубежом и не отрицающие своей принадлежности к эмигрантскому сообществу. Так, например, разделились по принципу отношения к русской эмиграции евреи – одна из самых значительных групп среди беженцев. Исследователи О. Будницкий и А. Полян, изучавшие историю еврейский эмигрантов в Берлине, оценивают долю евреев в эмиграции примерно в четверть от всего сообщества⁹¹. Евреи разделились на «русско-еврейскую» и «еврейско-русскую» общности. Первая, весьма крупная группа была объединена русским языком, исторической «русской» памятью и культурными традициями, и воспринимала себя частью русской эмиграции⁹². По такому принципу разделились этнические немцы – значительная их часть, «русские немцы» Поволжья, Волыни обособляли себя от русской эмиграции и не входят в ее число⁹³.

Осознание своей особой идентичности проявлялось в этнониме – самоопределении как «евреев», «немцев» в ряде случаев в принадлежности к иудаизму, в создании своих обществ. Как у евреев, так и у представителей других национальностей Российской империи оно не было препятствием для участия в жизни русской колонии в Берлине, в функционировании ее общественных организаций и в экономической жизни. В новых условиях большинство из них было не менее, чем в России, интегрировано в жизнь соотечественников. Достаточно взглянуть, например, на одно из объявлений в газете «Руль», сообщающем фамилии лиц, ведущих бесплатную консультацию в Союзе *русской* присяжной адвокатуры в Германии:

⁹¹ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941). С. 6.

⁹² Там же. С. 11.

⁹³ James E. Casteel. The Russian Germans in the Interwar German National Imaginary. P. 437.

«...присяжные поверенные Рабинович, Перский, Верт, Лаврентьев, Гиддин, Беме, Кингиссер, Зайцев, Новик, Кучеров, Мандель, Зейд и Зильберштейн»⁹⁴. Русских фамилий в этом списке – меньшинство, несмотря на наименование Союза. По такому же принципу вся эмиграция именуется *русской*, хотя ее национальный состав весьма неоднороден. Национальные группы отличало двойственное самоопределение. Так, среди прошений в Союз русских евреев в Германии имеются такие строки, написанные евреями: «...приношу [Союзу] мою русскую искреннюю благодарность за теплую отзывчивость...»; «...еврейские сердца русских всегда были отзывчивы у нас на родине к несчастным»⁹⁵.

Точная оценка доли представителей тех или иных национальностей в эмиграции невозможна, так как отсутствует какая-либо этническая статистика или репрезентативная выборка, на основе которой можно сделать соответствующие расчеты. Кроме самой большой группы – этнически русской, среди эмигрантов насчитывалось большое количество немцев (прибалтийских и из географической России), евреев, прибалтов, поляков, украинцев. Немцы были второй по численности национальной группой.

Нередко немцы, сохранившие с исторической родиной связи, не только сами легче адаптировались к новым условиям, но и помогали в этом этническим русским. Так, эмигранту Григорию Чеботареву помогли знакомые прибалтийские немцы, осевшие в Любеке – оставив у фон Медемов свою сестру, он получил возможность отправиться в Берлин, где стал студентом Берлинской Высшей технической школы⁹⁶. И. Гессен попал в Германию также благодаря дружеским связям его приятеля с немцами⁹⁷. Исследователь Р. Виллиамс писал, что немцы и евреи составляли до

⁹⁴ Рувль. 1921. 1 июня.

⁹⁵ Цит. по: Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941). С. 97.

⁹⁶ Чеботарев Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 352.

⁹⁷ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 22.

половины русской эмиграции в Германии в начале 1920-х годов⁹⁸. О высокой доле среди эмигрантов этнических немцев, евреев и их важной интегрирующей роли как в отношениях с немецкими властями, так и внутри русской диаспоры, пишет и немецкий историк К. Шлёгель⁹⁹. Среди них было много представителей так называемых свободных профессий, предполагающих независимый образ профессиональной деятельности – адвокатов, врачей, литераторов.

Несмотря на большую долю представителей разных национальностей Российской империи в русском Берлине, в котором действовало в начале 1920-х гг. 46 русских общественных организаций¹⁰⁰, было создано очень мало национальных объединений – например, Союз русских евреев в Германии, Союз русских немцев, Союз русских немцев Северной России. При этом, как нам представляется, их деятельность не отличалась большой активностью, так как она редко находит отражение на страницах эмигрантской прессы, вообще очень интенсивно освещающей работу русских организаций. Большая же часть русских объединений была основана по принципу не национальной, а профессиональной принадлежности или по целям работы. Еще меньшее, чем национальные особенности, влияние имело разное географическое происхождение эмигрантов. Корреспондент газеты «Руль», описывая одно из русских питейных заведений Берлина, обращает внимание читателя на бойкую русскую речь «всех оттенков – от сибирской скороговорки до украинской самостийной мовы»¹⁰¹.

Жизнь русской диаспоры мало зависела от национальных различий, проявлявшихся очень слабо. Так, в прессе и мемуарах жителей русского Берлина отсутствуют сообщения о национальных конфликтах внутри сообщества. Чаще встречались политические мотивы междоусобиц, в ряде

⁹⁸ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. С. 67.

⁹⁹ *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. С. 159 – 160.

¹⁰⁰ *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Бейссвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 72.

¹⁰¹ Руль. 1921. 11 марта.

случаев настолько серьезных, что заканчивались преступлениями – например, убийство монархистами В.Д. Набокова 28 марта 1922 г. Но наибольшим значением для судьбы русских эмигрантов в Германии обладали ее социальная разнородность, пестрота форм экономической активности и социальной адаптации.

Общепринятой и почти не требующей тщательной аргументации точкой зрения на русскую эмиграцию в Германии стало представления о ней как об общности, в которой невысокую долю составляли представители низших слоев российского общества – рабочие и крестьяне. Большинство эмигрантов принадлежали к среднему классу – торговцы, ремесленники, жители городов, занятые в сфере услуг, офицеры, предприниматели разного уровня, студенты, простые обыватели. И они же составляли основу социально-экономической жизни русской колонии в Берлине. Исследователь русской эмиграции Х. Фолькманн считал, что в русской диаспоре в Германии было 13,5% рабочих, 15,8% военнослужащих, 20% профессоров и студентов, остальные – представители интеллигенции и буржуазии, занятые прежде интеллектуальным трудом¹⁰². Данные Фолькманна, учитывая изменчивость эмигрантской жизни и трудности применения статистики в изучении социальной структуры эмигрантов, дают базовое представление о русской диаспоре и условий, в которых она приступила к организации жизни за рубежом. Как и другие попытки дать статистическую оценку социальной дифференциации эмигрантов, информацию Фолькманна следует применять как носящую предположительный характер.

Среди эмигрантов было относительно немного сумевших сохранить и перевести за рубеж свои капиталы. Историк Суомела Ю. пишет, что доля экономически состоятельных была невысокой, как и в русском обществе в России. Зато доля образованных – существенно выше - 75% эмигрантов имели законченное среднее образование, многие имели высшее

¹⁰² *Инполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. С. 67.

образование¹⁰³. Схожи данные, используемые К. Гусефф и характеризующие русскую эмиграцию в Европе: 15% имели высшее образование, 80% - среднее, и только 5% не имели никакого законченного образования¹⁰⁴. Историки К. Шлёгел и Й. Олтмер также говорят о высокой доле средних и высших слоев в русской диаспоре – при этом Шлёгел подчеркивает важность того, что в русском Берлине представлены и влияли на жизнь сообщества все слои общества Российской империи¹⁰⁵. Нередко состоятельные эмигранты, покидающие Россию семьями, увлекали за собой и прислугу, которая жила с ними не только в городах, но даже в беженских лагерях. Таким образом, социальная неоднородность российского общества отмечается и у русской эмиграции¹⁰⁶. Так поступила и семья Татьяны Васильчиковой, с которой в Германию приехала няня Нэнни. Когда деньги стали заканчиваться, им пришлось с ней расстаться, а ей, скорее всего, самостоятельно о себе заботиться¹⁰⁷.

По нашему представлению, интеллигенция, концентрация которой была в эмиграции выше, чем в России, вероятно, все же не являлась преобладающим слоем. Но формируя немецкую столицу как русский культурный центр, интеллигенция - наиболее заметная социальная группа в Берлине, что отражается в мемуарах эмигрантов. А. Андреев вспоминал 1922 г.: «Берлин оказался наводненным русскими интеллигентами – философы, писатели, музыканты, художники [...], [русских] «перед Европой представляют Алексей Толстой, Ремизов, Андрей Белый, Карсавин, Франк, Степун, Айхенвальд, Шкловский, Марина Цветаева, Эренбург, Ходасевич, Осоргин, Зайцев»¹⁰⁸. Упомянутый Андреевым Федор Степун в статье «Патриоты в изгнании» тоже указывал на большую долю

¹⁰³ Суомела Ю. Зарубежная Россия. С. 36.

¹⁰⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы). С. 49.

¹⁰⁵ См. Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 262; Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 153.

¹⁰⁶ Колосова В.О. Лагерь русских беженцев в Германии (1919 – 1922). С. 161.

¹⁰⁷ Metternich T. Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. S. 36.

¹⁰⁸ Андреев В. История одного путешествия. С. 55.

интеллигенции и буржуазии в эмиграции¹⁰⁹. Андреев использует для описания других слоев эмиграции характерную и много объясняющую лексику: они «служили фоном»¹¹⁰ для интеллигенции. Активность интеллигенции в эмигрантском сообществе и ее художественное наследие ставят ее и в центр внимания исследователей эмиграции, хотя ее количество в относительном выражении не могло быть подавляющим. При этом наиболее многочисленному образованному среднему классу в эмиграции пришлось в процессе адаптации частично или полностью утратить прежний и обрести новый социальный статус.

Для понимания судьбы русской эмиграции в Германии и трудностей процессов адаптации необходимо рассмотрение трансформации социального статуса абсолютного большинства эмигрантов. Хотя в Германию прибыло мало рабочих или лиц, занимавшихся прежде мелким предпринимательством и низкоквалифицированным трудом, то на чужой почве неизбежно формировалась новая социальная структура.

§ 2.2. Трансформация социальной структуры.

«...метаморфоза показала себя стойким перманентным элементом беженского бытия»¹¹¹.

И. Гессен

Исход из России в условиях Гражданской войны и сопровождавшего ее всеобъемлющего кризиса зачастую сопровождался потерей для эмигрантов всего имущества, прежде всего, недвижимого, потерей финансовых капиталов и, что не менее важно, социального капитала – связей, способствующих развитию экономических и трудовых отношений. Частично утраченным оказался и образовательный капитал, в эмиграции обесценившийся. Перед абсолютным большинством эмигрантов, для которых Германия и Берлин стали первым пристанищем за границей, стояла задача создания новых социальных связей и материальных, бытовых

¹⁰⁹ Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. С. 152.

¹¹⁰ Андреев В. История одного путешествия. С. 55.

¹¹¹ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 214.

условий существования. Большую роль в решении этих задач и обретении нового социального статуса или коррекции текущего играли вопросы трудоустройства и, в целом, экономической активности эмигрантов.

Высокая доля образованных эмигрантов относительно редко влияла на успех их трудоустройства в Германии. Кроме Югославии, ни одна из европейских стран не признавала полученные в Российской империи воинские звания и документы об образовании, что делало невозможным для многих беженцев получение работы по специальности¹¹². Лишь в некоторых случаях прежний российский трудовой опыт имел определяющее значение экономической активности в эмиграции – в первую очередь, это касается представителей свободных профессий, открывающих свои практики и оказывающие услуги частным клиентам или работающие на русских предприятиях: врачи, учителя, юристы, корреспонденты, литераторы.

Для большинства эмигрантов жизнь в Германии и вообще в Европе означала смену деятельности, часто кардинальную, на несвойственную для их образования и прежнего социального статуса. Особенно заметно это было в среде военных, вынужденных, по выражению Врангеля, сменить «шашку на лопату и винтовку на плуг»¹¹³. Военные работали в ресторанах, в шахтах, на лесозаготовках, шоферами и поварами. Одна из эмигрантских газет изображала в 1920 г. военного в роли официанта с подписью, не только осуждающей отказ от дальнейшей борьбы с большевиками, но и подчеркивающей, что этот труд резко контрастирует с профессией: «Те, которые ни за что не хотят служить, охотно прислуживают»¹¹⁴.

Эта участь постигла не только военных, но вообще большинство эмигрантов – бывших служащих, многих представителей интеллектуальных профессий, студентов, клерков, артистов. «У эмигрантов [...] не осталось места и для выбора профессии – приходилось жадно хвататься за любое

¹¹² Жуков В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; науч. Редактор В.Ю. Черняев. СПб: СПбГАСУ, 2011. С. 13.

¹¹³ Там же. С. 14.

¹¹⁴ См. Приложение № 2.

занятие и считать себя счастливецем, если вообще что-нибудь попадает под руку», - писал И. Гессен¹¹⁵. Для иллюстрации он приводит пример эмигранта, бывшего чиновника, после нескольких лет «полуголодного прозябания» в Берлине уехавшего в Бразилию, где тоже часто менял работу - был маляром, пекарем и рабочим¹¹⁶. Писатель Роман Гуль работал некоторое время на лесозаготовках. Подобные рабочие места давали скромный доход, 18-20 марок в день в 1921 г. – хватало, по словам военных, работавших в сельском хозяйстве и на заводах в окрестностях Берлина, «подкормиться и иногда на табак»¹¹⁷. Бывший военный-артиллерист Григорий Чеботарев, став в Берлине студентом и получая стипендию, подрабатывал частными уроками, а лето проводил, «размахивая кувалдой в команде клепальщиков на стройке в польской Верхней Силезии»¹¹⁸.

Частая смена деятельности, притом в горизонтальной плоскости – в сфере обслуживания и низкоквалифицированного труда, не предполагающего высшего профессионального образования, отразилась и в литературе. Персонаж Э.М. Ремарка граф Орлов, русской эмигрант в Берлине начале 1920-х гг. – «кельнер [официант – К.К.], статист на киносъёмках, наемный партнер для танцев, фронт с седыми висками. [...] Каждый вечер он молился Казанской божьей матери, выпрашивая должность метрдотеля в гостинице средней руки»¹¹⁹. Образ графа Орлова говорит персонаже-резонеру и о том, что «русские привыкли к неожиданностям»¹²⁰ и необходимости быстро адаптироваться к новым условиям.

Жизнь эмигранта, впрочем, как и жизнь многих немцев в то неблагополучное время, постоянно менялась, ставила человека в новые условия, в которых он выполнял основную задачу – найти способ

¹¹⁵ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 225.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Гуль. 1921. 26 мая; 11 января.

¹¹⁸ Чеботарев Г. Правда о России. С. 354 – 355.

¹¹⁹ Ремарк Э.М. Три товарища / Собрание сочинений в 5-и т. Т.2. М.: «Внешторгиздат», 1991. С. 391.

¹²⁰ Там же. С. 524.

прокормиться и сохранить его. Она протекала в перманентном поиске средств к существованию, даже у знаменитых представителей творческой интеллигенции. В переписке с русским издателем и публицистом в Берлине Александром Семеновичем Яценко для литераторов, собирающихся в Берлин, деньги были немаловажным вопросом – о них спрашивали Н.И. Петровская, И. Эренбург, М. Цветаева, Г.И. Чулков, Б. Вышеславцев и другие¹²¹. Порой они изыскивали самые невероятные способы заработать – даже на том, что фактически им уже не принадлежало. Так, Алексей Ремизов просил у А.С. Яценко помощи с поиском в Берлине покупателя его имения под Москвой, которое «при любом строе, кроме большевицкого, останется в частной собственности»¹²². Письмо датируется 22 декабря 1920 г., когда Гражданская война в России была уже практически закончена, победа большевиков – несомненна, но в эмиграции множество людей еще надеялись на скорый разворот хода истории. Эти безнадежные ожидания оставались распространенными и годы спустя. Одна из эмигрантских газет опубликовала в 1930 г. юмористическую зарисовку: «Диалог эмигрантов: – Вы увидите: через полгода мы будем в России! – Вы это говорите уже десять лет. – И еще десять лет буду повторять, потому что я в этом уверен!»¹²³.

Но жить как-то нужно было в текущий момент. Немецкий журналист Йозеф Рот в 1926 г. описывал, какими он запомнил русских эмигрантов: они, «...даже будучи уроженцами мирной Волыни, изображали свирепых донских атаманов, стоя швейцарами при дверях роскошных заведений. [...] Все они с одинаковой ловкостью научились выщипывать из балалаечных струн щемящие аккорды, носить красные сафьяновые сапоги с серебряными шпорами и кружиться на одном каблуке вприсядку. В одном парижском варьете я видел, как некая русская княгиня изображала русскую свадьбу.

¹²¹ См. Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. 2-е изд., испр. Paris, М.: УМСА-Press, Русский путь, 2003.

¹²² Там же. С. 209.

¹²³ Сатира и юмор русской эмиграции. / Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998. С. 33.

[...] Другие княгини работали официантками в русских заведениях, в передничках, с блокнотиком на цепочке черного серебра, с гордо вскинутой головкой в знак негибимой стойкости и неизбывного трагизма эмигрантской судьбины»¹²⁴.

Не всем, однако, удавалось найти даже простую работу. Как писала газета «Руль», «многие из русских эмигрантов живут на чужие средства»¹²⁵. Такие эмигранты зависели от пожертвований частных лиц и выдаваемых беженскими и международными благотворительными организациями денежных и материальных пособий. Прежде всего, это инвалиды, одинокие женщины с детьми, студенты. О положении студентов, которых, по сведениям Союза российских студентов, уже в феврале 1921 г. в Германии насчитывалось 2-3 тыс.¹²⁶, имеются некоторые сведения. От русских, немецких или американских благотворителей многие получали стипендии. Г. Чеботарев и В. Андреев получали 15 американских долларов в месяц¹²⁷, что было достаточно для удовлетворения простых потребностей – оплаты скромного жилья и пропитания. Чеботарев еще давал уроки английского языка, но стипендия играла ключевую роль – лишившись ее на некоторое время, он вел уже полуголодное существование.

Нестабильность доходов благотворительных организаций ставила зависимые категории беженцев в ненадежное материальное положение. Разными путями они стремились получить собственные источники дохода, что было непросто в условиях увеличивающейся в Германии безработицы. Вереницы очередей у бирж труда постепенно превращались в толпы. Биржи были переполнены не только немцами, но и иностранцами, готовыми почти на любое занятие. Ограничительная политика Германии по отношению к иностранцам отдавала преимущественное право при поиске работы немецким гражданам, и русским эмигрантам предоставлялись вакансии, для

¹²⁴ *Рот Й.* Берлин и окрестности: [сб. статей и очерков]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 94 – 95.

¹²⁵ Руль. 1920. 17 декабря.

¹²⁶ Руль. 1921. 4 февраля.

¹²⁷ *Чеботарев Г.* Правда о России. С. 353; *Андреев В.* История одного путешествия. С. 55.

которых не нашлось немцев. Прежде всего, это низкооплачиваемая и тяжелая работа в сельском хозяйстве и прислуга. В. Шкловский описывал экономические проблемы, обрушившиеся в 1922-1923 гг. на берлинских немцев, и, еще больше, на русских беженцев, «официантов и певцов»:

«Развалилась старая Германия.

Обломки старого войска занимают по кафе педерастией.

Улицы полны плохо починенными калеками.

Триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города.

Музыка в кафе.

Нация официантов и певцов среди нации побежденных.

А в общественных уборных Берлина мужчины занимают друг с другом онанизмом. У них низкая валюта, голод и страна гибнет.

И медленно, подъедая оставшееся, проходят через них иностранцы»¹²⁸.

Это описание В. Шкловского показывает восприятие эмигранта как человека, находящегося на вторых ролях в обществе, переживающем катастрофический экономический кризис. И все же, хотя по словам И. Гессена, «растущая беженская нужда стучалась почти во все двери»¹²⁹, эмигранту еще есть что «подъедать», он имеет средства к существованию.

Некоторое, более точное по сравнению с журналистским и художественным, представление о соотношении спроса и предложения на берлинском рынке труда дает исследование Трудовой комиссии Общества помощи русским гражданам в Германии, проведенное в октябре 1921 г. Согласно ему, наиболее востребованной была русская прислуга, также русские переводчики и учителя, бонны, машинисты и клерки. Все предложения, кроме прислуги (русские не хотели идти в услужение немцам), находили превышающий их спрос. Это исследование, анализирующее работу Трудовой комиссии за длительный период – с апреля по октябрь 1921 г., опирается на едва ли репрезентативную выборку – изучено 85 обращений, из просителей получили работу только 21 человек

¹²⁸ Цит. по: *Тиме Г.А.* Путешествие Москва – Берлин – Москва. С. 51.

¹²⁹ *Гессен И.В.* Годы изгнания. С. 68.

(3 прислугой, 2 конторщика, 4 машиниста, 2 няни, 5 переводчиков и учителей, 5 – по другим профессиям)¹³⁰.

Более информативен в изучении предложения рынка труда в Берлине проведенный нами контент-анализ газеты «Руль», в которой в 1921 году было размещено 431 объявление о предложении работы¹³¹. Они имеют по сравнению со скудными данными Трудовой комиссии большее значение еще по той причине, что для многих эмигранты, не знавших в достаточной мере немецкого языка и склонных прежде всего к работе в кругу соотечественников, обращались в поисках работы к русским организациям и предложениям в русской прессе. Результаты анализа представлены в следующей таблице¹³²:

Январь – июнь 1921 г.		Июль – декабрь 1921 г.	
Профессия	Кол-во	Профессия	Кол-во
Прислуга	48	Прислуга	122
Торговое представительство	20	Торговое представительство	21
Стенографист (-ка)	17	Стенографист (-ка)	51
Корреспондент (-ка)	5	Корреспондент (-ка)	14
Переводчик (-ица)	8	Переводчик (-ица)	3
Конторщик (-ица)	8	Конторщик (-ица)	3
Учитель (-ница)	16	Учитель (-ница)	14
Портной (-ая)	1	Портной (-ая)	8
Творческие профессии (музыканты, танцовщицы, артисты)	7	Творческие профессии (музыканты, танцовщицы, артисты)	7
Другие профессии	35	Другие профессии	23
Всего	165	Всего	266

¹³⁰ *Инполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. С. 70 – 71.

¹³¹ Привлечены 293 из 305 номеров за 1921 г. (96%)

¹³² Руль. 1921. Январь – декабрь.

Обращает внимание факт постепенного увеличения предложений о работе на страницах газеты – более половины приходится на второе полугодие 1921 г. Возрастало количество предложений о работе прислужкой (няни, кухарки, горничные и др.), стенографистками, корреспондентами, в сфере пошива одежды. Стабильно требовались торговые представители, учителя, артисты. Единичны предложения работы для инженеров, токарей, адвокатов, бухгалтеров, столяров, разного рода администраторов. Росло количество русских в Берлине, с ними – русских организаций, предприятий и рабочих мест. Не менее интересны и размещенные в газете объявления о дающихся разного рода уроках (559 объявлений за 1921 г.). Некоторые из них предлагали обучение необходимым навыкам и ремеслу, востребованному в Берлине – стабильно предлагались уроки иностранных языков, курсы шоферов, уроки танцев и пения.

Мы не располагаем данными о том, какой спрос находили размещенные в «Руле» предложения о работе. Представляется вероятным, что большая часть находила избыточный спрос. Предложения исходили от русских, с которыми эмигрантам, в том числе не имеющим документов, было проще наладить отношения. Большая часть объявлений уникальны, повторы одного и того же объявления встречаются редко, что может свидетельствовать о скором удовлетворении запросов. Повторялись объявления о предложении занять рабочее место, для которого кандидат должен обладать специфическими навыками – так, например, предложение стать управляющим банка повторялось во втором полугодии 1921 г. пять раз. В. Александров приобрел в Берлине начала 1920-х гг. опыт работы сразу в нескольких сферах, часто упоминаемых в объявлениях: «Сначала я продавал бытовую электронику. [...] Затем я подрядился продавать автомобили. Потерпев на ниве коммерции фиаско, я попытался преподавать французский язык и занялся переводами. Денег эти занятия практически не приносили. И я влачил жалкое существование, продавая сигареты в ночном клубе... Работал вышибалой в баре «Эльдорадо», который посещали

немцы... Вскоре уволился, стал продавать шелковые чулки и духи из маленького магазинчика, который принадлежал двум русским. [...] Вскоре нашел работу таксиста. Но иностранцу нечего было рассчитывать на то, что она окажется постоянной»¹³³. Русские эмигранты брались за все, и большая часть – за малооплачиваемый, простой, физический или не требующий специальной подготовки труд или труд, который носит нестабильный характер и не дает возможности повышения социального статуса, а является лишь способом выживания¹³⁴.

Предложения о работе прислужой, доминирующие среди объявлений, особенно во втором полугодии 1921 г. (часто встречаются они и в 1922 – 1923 гг.) свидетельствуют, что с ростом русской диаспоры в Берлине росло количество эмигрантов, за счет прежних связей, навыков, капиталов и удаче достигших уровня жизни, позволяющего использовать наемный труд при организации своего быта. Их относительная доля в социальной структуре эмигрантов была невелика, но они стали аудиторией для большого количества эмигрантов, предоставляющих им всякого рода товары и услуги и так зарабатывавшими на жизнь. Одни эмигранты, получавшие хороший доход на ловких сделках в период инфляции, заказывали в открытом русским офицером Кировым ресторане «Caligari» лучшие блюда, другие им угождали. В. Андреев описывал прослойку «дельцов»: «Биржевики, спекулянты всех размеров и оттенков, купцы, богатые бездельники, шибера, банкиры, просто случайные люди, не имевшие никакого отношения ни к гуманитарным, ни к точным наукам, но в которых вдруг проснулся Остап Бендер...»¹³⁵ В Берлине открылись десятки русских развлекательных и гастрономических заведений, частных врачебных практик, юридических контор. Газета «Берлинер Тагеблатт» сообщала, что дела у их владельцев

¹³³ Цит. по: *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 183 – 184.

¹³⁴ Как это отразилось в фотографиях жителей русского Берлина, см. Приложение № 3.

¹³⁵ *Андреев В.* История одного путешествия. С. 55.

часто «идут блестяще»¹³⁶. Большое количество эмигрантов и немцы (небольшая часть потребителей) обеспечивали им коммерческий успех.

Мелкая торговля и оказание услуг, по результатам контент-анализа «Руля», стали экономической основой жизни эмигрантов. В 1920-1921 гг. в газете было размещено 12 237 рекламных объявлений¹³⁷. Из них 3 972 (32,48%) относятся к сфере услуг (в том числе рестораны, кафе, бары, медицина, юриспруденция, туризм и др.), 3 237 – к сфере торговли (26,46%) – самыми разнообразными товарами: от водки и шляпок до автомобилей. Подобная структура предложения на рынке, по нашему представлению, является вполне характерной для европейского мегаполиса, это признак разностороннего равномерного развития экономической активности эмигрантов. Еще 2 059 объявлений (16,82%) хотя и относятся к сфере торговли, выделены в отдельную категорию¹³⁸ – торговля драгоценностями. Число ломбардов и ювелирных магазинов увеличивалось, и они стабильно работали. Беженцы, прибывающие в Берлин, чтобы обеспечить себя на первое время, как сообщала одна из берлинских газет, в большом количестве продавали привозимые меха и драгоценности¹³⁹, которые затем коммерсанты могли очень выгодно продать за валюту. Некоторым, как балтийской дворянке графине Клейнмихель, постепенная продажа привезенных из России драгоценностей долго обеспечивала скромный доход¹⁴⁰.

Поразившая немецкую экономику сильная инфляция, для одних ставшая препятствием для получения стабильного дохода, для других открывала новые возможности для заработка. Инфляция компенсировала ограничительную политику Германии в предоставлении права на работу для иностранцев и другие сложности социально-экономической адаптации. Берлинская газета «Время» писала 12 декабря 1921 г.: «Здесь нет человека,

¹³⁶ Berliner Tageblatt. 1921. 24. Dezember.

¹³⁷ Руль. 1920 – 1921.

¹³⁸ Результаты контент-анализа по всем категориям см. в Приложении № 4.

¹³⁹ Шлёгелль К. Берлин, Восточный вокзал. С. 170.

¹⁴⁰ Там же. С. 154.

который не сделал бы в последние месяцы и недели какого-нибудь валютного оборота. Наряду с большевизмом «валюта» теперь в Германии самое популярное слово»¹⁴¹. Инфляция делала Германию в сравнении с другими странами Европы недорогим местом для проживания. Где еще мог И. Гессен оплатить 75-миллионный долг за ремонт центрального отопления в квартире пятьюдесятью американскими центами?¹⁴² Представление некоторых исследователей, например, Р. Виллиамса, о том, что гиперинфляция стала причиной исхода эмигрантов из Германии в конце 1923 г.¹⁴³, подтверждается лишь частично. Дефляция даже в большей степени вызвала закат русского Берлина, так как она лишила доходов коммерсантов, зависящих от дешевой марки и, следовательно, тех эмигрантов, что оказывали им свои услуги – жизнь стала в разы дороже.

Состоятельной прослойке эмигрантов и их семьям нужны были учителя, няни, торговые представители, работники предприятий. В этом заключалась их социальная функция, их уровень жизни и потребления способствовал адаптации большого количества беженцев. После дефляции экономически благополучные дельцы покинули русский Берлин, вслед за ними потянулись остальные. Для множества эмигрантов пребывание в Германии обеспечивалось именно русскими клиентами. Учитель И. Пузино, писал: «Большое количество беженцев (особый наплыв русских эмигрантов в Берлин имел место в 1922 году) обусловило достаточный контингент русских детей дошкольного возраста. При этом в Берлин съехались, в частности, те эмигранты, которые имели в своем распоряжении некоторые суммы в той или иной валюте, что в годы инфляции обеспечивало в Германии дешевую жизнь. Не обосновываясь особенно прочно, такие беженцы охотно отдавали своих детей в русскую школу»¹⁴⁴. За один урок хороший учитель мог получить 1 американский доллар, что обеспечивало

¹⁴¹ Жертвы валюты. // Время. 1921. 12 декабря. С. 2.

¹⁴² Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920 – 1941). С. 34.

¹⁴³ Williams R.C. “Changing Landmarks” in Russian Berlin, 1922-1924. P. 582.

¹⁴⁴ Пузино И. Русский учитель в Германии. // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 313 – 314.

«сытую жизнь и возможность нормальной работы» (оплата комнаты, по воспоминаниям И. Пузино, стоила около 6 долларов в месяц)¹⁴⁵. Количество объявлений об уроках, даваемых в «Руле», показывает, что уроки как способ заработка получили большое распространение – работали или подрабатывали этим, судя по всему, сотни эмигрантов: 559 объявлений (4,56%) в 1920 – 1921 гг. Когда в 1923 г. русский Берлин покинули десятки тысяч русских, те эмигранты, что предоставляли им товары и услуги, потеряли большую часть заработка. В 1926 г. в Берлине оставалось уже всего 35 учителей¹⁴⁶.

И все же, хотя определенная прослойка пребывала в относительном благополучии, большинство эмигрантов жило под угрозой бедности или стояли на ее пороге. Большое значение имеют не только попытки статистического описания социальной структуры эмиграции, позволяющие сделать предположения об их уровне жизни и чувстве экономического и социального благополучия. Еще более важны оценки собственного экономического состояния, сделанные эмигрантами на страницах прессы и в комплексе нарративных источников. В 1921 году в «Руле» не менее 22 раз упоминалось тяжелое материальное положение беженского сообщества¹⁴⁷. Жизнь эмигрантов характеризовалась эпитетами «катастрофическая», «изгнанническая», эмигранты – «ободранные и обобранные», «несчастные, обнищавшие», «голодные, раздетые», претерпевающие «крайнюю нужду». Многим не хватало даже одежды и обуви, из-за их нехватки они не могли начать поиски работы¹⁴⁸.

И всего трижды за год «Руль» описывал тех, чье положение можно назвать безопасным. Так, русские ученые в Берлине, сравнивая себя с оставшимися в России коллегами, назвали имеющиеся у них условия «достойным человеческим существованием»¹⁴⁹. В другом случае «Руль»

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Руль. 1921.

¹⁴⁸ Руль. 1921. 7 мая.

¹⁴⁹ Руль. 1921. 18 декабря.

писал о причинах наплыва в Берлин русских артистов: их «первое всего привлекает в Берлине присутствие здесь большой русской колонии. 50 000 русских – из них добрая треть не нуждающихся ни в сербских разменах, ни в русских комитетах, людей, живущих свободно и, казалось бы, могущих до известной степени «поощрять искусство»¹⁵⁰. Это сообщение подчеркивает увеличение категории эмигрантов, жизнь которых обеспечивалась расходами состоятельной части беженцев. Крайне важно и сообщение газеты от 5 августа 1921 г.: «те русские, которые живут сейчас в Германии, в подавляющем большинстве уже устроились в Германии более или менее основательно, занимаются здесь определенным делом, уплачивают налоги и пр.» Это сообщение характеризует достигнутый уровень социальной адаптации – большинство справились с первостепенной задачей, «устроились» и имеют достаточный для удовлетворения базовых потребностей доход. Вместе с тем преобладающей характеристикой при описании социально-экономической картины русской эмиграции в Германии и Берлине остается неблагополучие.

Рассмотрение имеющихся данных о девиантном и криминальном поведении эмигрантов в Германии подчеркивает описания массовой нужды беженцев, недостаточности их доходов. Показателен рост употребления алкоголя среди эмигрантов, преимущественно образованных представителей российского среднего класса. Если нередко отмечавшиеся пьяные дебоши офицеров, обитателей лагерей военнопленных и интернированных¹⁵¹ можно объяснить не только экономическими причинами, то в Берлине это явление во многом связывается с материальной нуждой. В одной из статей газеты «Руль» об «измученных тоскливым бездействием и нуждой» эмигрантах говорилось: «...настоящая русская водка, изготовляющаяся сейчас в Париже, Берлине и Константинополе для услады горького житья эмигрантского», является

¹⁵⁰ Руль. 1921. 20 января.

¹⁵¹ Колосова В.О. Лагеря русских беженцев в Германии (1919 – 1922). С. 165.

теперь «необходимой деталью беженского обихода»¹⁵². Количество объявлений в газете, рекламирующих крепкие напитки в начале 1921 г., исчисляется десятками.

Важен и характер преступлений, совершаемых русскими в Германии. О преступлениях против жизни, освещенных газетой «Руль» в 1921 г.¹⁵³, сообщалось, что они совершаются военнопленными солдатами - по происхождению преимущественно необразованные классы с высокой терпимостью к насилию. В двух случаях было и прямое указание на мотив совершенных убийств – «с целью грабежа». Иначе обстоит дело с мотивацией у преступлений в среде эмигрантов, в основном образованных и самостоятельно обеспечивающих свои потребности. Из 13 сообщений о преступлениях эмигрантов на страницах «Руля» с декабря 1920 г. до марта 1922 г.¹⁵⁴ 2 имеют политическую окраску (агрессивная коммунистическая пропаганда и убийство Набокова), 11 случаев совершены по экономическим мотивам.

Все экономически мотивированные преступления эмигрантов направлены против собственности и не сопровождались физическим насилием. Это аферы, мошенничества, кражи. Большое распространение имели случаи самозванства – преступники назывались князьями и русскими «великими княгинями», одалживали крупные суммы денег или обворовывали проявлявших к «знатным персонам» интерес. Самый известный подобный случай имел место в Берлине в 1920 г.: некая Анна Андерсон, спасенная при попытке самоубийстве полицейским, в больнице объявила себя чудесно спасшейся «царевной Анастасией». Обман был вскоре раскрыт, но резонанс истории помог Анне Андерсон достичь желаемого. В разное время ее содержали баронесса фон Клейст, инспектор полиции Грунберг, после переезда в США – Сергей Рахманинов. Историк

¹⁵² Руль. 1921. 7 марта.

¹⁵³ См. Руль. 1921. 26 апреля; 8 мая; 18 декабря.

¹⁵⁴ Руль. Декабрь 1920 – Март 1922.

О. Будницкий констатирует: в основе всех подобных историй «неизменно лежали достаточно низменные мотивы, а именно деньги...»¹⁵⁵

Девиантное поведение в его многообразных формах у эмигрантов – признак социальной, и, прежде всего, учитывая характер преступности, массовой экономической дезадаптации и стресса. Однако, эти и другие проявления неблагополучия, наблюдающиеся во всяком крупном сообществе, отражают лишь одну из сторон жизни многослойной по социальному составу русской эмиграции в Берлине. Социальная структура эмигрантов, прибывших в Германию, в которой было мало представителей рабочих, крестьян, занятых физическим трудом, на чужой почве восстановилась. За счет занятых прежде в России интеллектуальным трудом в Германии нижние ступени социальной пирамиды пополнились. По данным Х. фон Римши, опубликованным в 1924 году, среди учтенных эмигрантов в Германии, против общих представлений, оказалась немалая доля фактических рабочих и ремесленников – 23%, занятых сельским трудом – 41%, интеллигентов, занявшихся физическим трудом – 31%, зарабатывающих интеллектуальным трудом – 5%¹⁵⁶. Очевидно, в Берлине, в городских условиях, где проживала большая часть эмиграции (по разным оценкам, от половины до двух третей), структура занятости была иной – доля сельского труда по естественным причинам не могла быть статистически значимой, а доля интеллектуального труда повышалась, преобладала занятость физическим и неквалифицированным трудом. Немалая часть эмигрантов зарабатывала удовлетворением потребностей состоятельного слоя эмиграции.

Невозможность применения российских документов об образовании, частая смена деятельности, неквалифицированный физический труд закрывали для множества эмигрантов путь для профессиональной самореализации и снижали их уровень жизни и социальный статус, что

¹⁵⁵ Будницкий О. В поисках наследства. // Дилетант. 2013. Апрель. № 4 (16). С. 44.

¹⁵⁶ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социо-культурный феномен. С. 164.

стало одной из основных проблем адаптации в Германии. В. Шкловский писал: «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для нее»¹⁵⁷. Позднее Шкловский вернулся на родину. Его слова могли повторить тысячи эмигрантов, чей жизненный и профессиональный российский опыт складывался десятилетиями к моменту эмиграции.

Наиболее перспективной в этом отношении категорией эмиграции первой волны было ее младшее поколение – они обладали большими возможностями для приобретения новых социальных навыков и образования. Лев Лунц посетил в 1923 г. санаторий и описывал других его гостей: «самая многочисленная [группа] в санатории: коммерсанты и спекулянты. Этих я уважаю больше всего. Они сами давно перестали считать себя русскими. Их дети забыли родной язык и лопочут по-немецки, по-французски, по-польски – на языке народа, на бирже которого играют их родители...»¹⁵⁸ Успешный путь для адаптации выбрали те эмигранты, которые в условиях нужды получали в Германии образование, большая их часть – востребованное на немецком рынке труда. Несколько лет зависимо от благотворителей положения переносились ими стоически и с осознанием будущей перспективы. Одна из газет писала в 1921 г.: «Русские студенты почти полностью готовят себя для таких профессий, которые сулят им экономическую прибыль, т.е. они изучают технические специальности, политэкономии или коммерческие дисциплины»¹⁵⁹. Григорий Чеботарев, пережив в Берлине беженскую нужду, стал в 1925 г. дипломированным инженером и спустя два месяца получил соответствующую работу в немецкой фирме – его карьера затем сложилась

¹⁵⁷ Шкловский В. Зоо. Письма не о любви или Третья Элоиза. Берлин, 1923. Доступно из: <http://www.marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml> (17.03.2017)

¹⁵⁸ Цит. по: Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 153.

¹⁵⁹ Цит. по: Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. С. 154.

весьма успешно¹⁶⁰. Дети эмигрантов, как писал И. Эренбург спустя десятилетия, «стали исправными французами, немцами, англичанами»¹⁶¹.

Этот успешный опыт адаптации, характерный для относительно многочисленного младшего поколения эмиграции, в основном не был приобретен старшим. Значительная часть эмигрантов покинула Германию еще в 1923 году, когда экономическая и политическая конъюнктура резко ухудшились и для дальнейшей адаптации требовались все большие усилия. Опыт, уже приобретенный старшим поколением в Германии, не был значительным, так как для выживания в 1919 – 1923 гг. беженцам зачастую не требовалось сильно укореняться и выходить за пределы русского сообщества. Даже при относительно малой экономической активности или при отсутствии возможности для таковой эмигрант мог обратиться к благотворительным и общественным организациям, игравшим роль инструмента адаптации и выполнявшим функцию подушки социальной безопасности. В те годы среди эмигрантов еще царилло ожидание серьезных перемен – появления возможности вернуться в Россию или найти более удобное пристанище. «Здесь спасаются, перемогаются, оберегают созданное в прошлом или даже подготавливают будущее; для других жизнь здесь прозябание или суррогат»¹⁶², - писал Григорий Ландау в Берлине в 1921 г. Подобные оценки подчеркивают чувство неблагополучия у эмигрантов, чей уровень жизни снизился за границей, не соответствовал прежнему социальному статусу и профессиональной принадлежности. Это чувство нередко компенсировалось представлением о временном пребывании в эмиграции, стремлением замкнуться в сообществе беженцев, где в личных и общественных коммуникациях прежний статус играл доминирующую роль. Берлинский таксист описывал своих коллег: «Больше всего среди них русских, и они крепче всех других держатся вместе. По большей части это люди, знавшие лучшие времена, так называемые

¹⁶⁰ Чеботарев Г. Правда о России. С. 355.

¹⁶¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С. 43.

¹⁶² Руль. 1921. 25 февраля.

«интеллигенты» или аристократы, которым пришлось спастись от большевиков. Лучше всего их можно узнать, пойдя на так называемый бал русских шоферов: здесь сплошь и рядом встречаются господа с великолепными манерами, умеющие носить фрак или смокинг и безупречно говорящие по-французски и по-английски»¹⁶³. Обилие русских балов и вечеров позволяло эмигрантам ощутить в среде соотечественников свой прежний социальный статус, утраченный в среде немцев, где им приходилось заниматься несвойственной им деятельностью.

Высказывание Григория Ландау хорошо отражает и ощущение неготовности значительного числа эмигрантов к адаптации, которая еще не представлялась им необходимой. Когда позже стало понятно, что ожидания возврата к прошлому едва ли будут удовлетворены, для многих из-за дефляции и уменьшения русской диаспоры Германия уже перестала быть местом, привлекательным для длительного проживания, и они рассеялись по миру в поисках более безопасного убежища. Тем не менее, опыт русской диаспоры в Германии в создании инструментов адаптации уникален. Германия - первая страна, принявшая на долгий срок большое русских беженцев, и в краткий период элита эмигрантского сообщества - наиболее активная, состоятельная и образованная их часть, создала десятки общественных организаций, социальных институтов, игравших интегрирующую роль. Рассмотрение характера их деятельности необходимо для лучшего понимания их места в решении проблем адаптации и самого адаптационного процесса.

¹⁶³ Цит. по: Шлёггел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 297.

Глава 2. Проблемы и инструменты адаптации

§ 1. Благотворительность и взаимопомощь

В 1916 г. в Берлине было основано Общество помощи русским гражданам. Русские, оказавшиеся в Германии во время войны, в том числе военнопленные, нуждались в разного рода помощи - многие из них неожиданно для себя вынуждены были там задержаться по решению властей. В 1919 г. это – еще «только одно весьма деятельное благотворительное»¹ общество. С прибытием беженцев организация стала оказывать им всестороннюю помощь – сотни обратившихся временно получали места в общежитии (на 30 человек), их бесплатно кормили, выдавали денежные пособия, мыло, белье и одежду, подыскивали им работу. В 1920 г. количество русских эмигрантов быстро увеличивалось, вместе с ними росло и число благотворительных обществ и союзов взаимопомощи. К концу 1920-го года их насчитывались уже десятки, всего в начале 1920-х гг. в Германии функционировало 46 таких организаций².

Большая их часть основывалась на профессиональной принадлежности участников, реже – на основе целей создания или национальности. Они оказывали трудовую, правовую, финансовую и материальную помощь (в том числе едой и одеждой) нуждающимся категориям эмигрантов. Постепенно они наращивали свою активность. Ещё осенью 1920 г. газета «Руль» констатировала, что благотворительность в эмиграции малоэффективна: «Официальные учреждения, существующие в Германии на средства русских антибольшевистских организаций, как-то Красный Крест, гражданская делегация и другие, могли до сих пор оказывать лишь самую незначительную помощь и притом очень ограниченному количеству лиц [...]. Вся остальная масса была предоставлена самой себе»³. Через несколько месяцев ситуация стала

¹ Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. С. 34.

² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Бейсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 72.

³ Руль. 1920. 23 ноября.

выглядеть иначе – появлялось все больше организаций и увеличивались их возможности. Главную роль в этом сыграли инициатива самих беженцев, оказавшихся в Германии (прежде всего, в Берлине, где их концентрация была наибольшей), и частная инициатива русских общественных деятелей, таких как И.В. Гессен и В.Д. Набоков, которые входили в правление Общества помощи русским гражданам и постоянно призывали эмигрантов к расширению благотворительности. С 1920 г. часть средств, привлеченных русскими объединениями, была получена от Российского гуманитарного фонда (находился в США) Б.А. Бахметева⁴. Но к концу 1921 г. бывшие русские государственные средства, используемые русскими беженскими организациями, истощились⁵. Основным источником финансирования оставались частные пожертвования и часто утраиваемые благотворительные вечера, балы, концерты, лотереи, а также коммерческая деятельность объединений, чистый доход от которой шел на их содержание.

Наиболее активными русскими общественными организациями в Германии в 1919-1923 гг. были следующие:

- Общество помощи русским гражданам в Берлине
- Комитет взаимопомощи русским гражданам
- Русская делегация по делам военнопленных и беженцев
- Русский Красный Крест
- Союз русских студентов
- Русский студенческий союз
- Центральное бюро русских артелей
- Русский кооператив «Русская колония»
- Союз русских врачей
- Союз русских евреев в Германии
- Союз русских сценических деятелей
- Союз русской присяжной адвокатуры в Германии

⁴ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918 – 1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 232.

⁵ Руль. 1921. 30 декабря.

- Союз русских увечных воинов в Германии
- Союз русских инвалидов в Германии
- Союз российских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии
- Земгор (Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей)
- Союз русских журналистов и литераторов в Германии
- Союз русских инженеров в Германии

Большая часть этих организаций, основанных в 1920-21 гг., быстро достигла значительных размеров – от нескольких десятков до нескольких сотен членов (помощь оказывалась не только им, но и просто обратившимся). Например, только Союз русских студентов (лишь одна из русских студенческих организаций в Германии) уже в начале 1922 г. насчитывал 955 членов⁶. Деятельность перечисленных объединений широко и регулярно освещалась на страницах прессы. Они стремились смягчить нужду и удовлетворить все базовые потребности нуждающихся – в работе, дешевом жилье, медицинской помощи, образовании, деньгах и одежде, правовых вопросах, досуге. С этими целями открывались коммерческие лавки, трудовые артели, русская читальня, курсы немецкого языка, две школы (русская и русско-немецкая), бюро переводов и переписки на пишущих машинках, русская амбулатория для бесплатного лечения, бесплатные консультации, общежития и льготные столовые. Была созвана русская экзаменационная комиссия из эмигрантов-преподавателей и профессоров для выдачи обучавшимся в России в средних учебных заведениях аттестатов зрелости⁷.

Постепенно многие организации сумели добиться высокой эффективности – большая часть поступающих к ним запросов удовлетворялась. Так, в бюро Земгор в 1922-1923 гг. поступало ежемесячно

⁶ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 165.

⁷ Рувль. 1920. 24 декабря.

до шестисот заявлений о помощи, из которых около двух третей получали положительный ответ⁸. На страницах Руля нередко встречаются новости о том, что какое-либо объединение получило вакансий больше, чем было использовано нуждающимися. Так, за первые месяцы работы союз российских студентов получил 42 вакансии, утроено было 32 человека⁹. В мае 1921 г. Центральное бюро русских артелей в Берлине сообщило, что все лица, искавшие через эту организацию работу, получили места¹⁰. Русский студенческий союз, получив в конце 1921 г. 93 прошения о зачислении в немецкие учебные заведения, помог удовлетворить 73 из них¹¹, а также в течение года успешно оказал помощь в получении работы всем 132 заявителям. Уже в январе 1922 г. союз констатировал, что положение студентов существенно улучшилось, хотя прежде оценивалось как весьма тяжелое¹².

Важной формой поддержки беженцев стали кассы взаимопомощи, в которых участники в случае сложной финансовой ситуации могли получить пособия или беспроцентную ссуду. Цена доступа к кассам была невелика – так, по уставу кассы взаимопомощи при Союзе русских инвалидов членом мог быть любой эмигрант, вносящий ежемесячно 1 марку¹³. Дневной заработок представителей самых низкооплачиваемых профессий (рабочих, статистов) составлял весной 1921 года около 20 марок. Газеты стоили 0,5 – 1 марку. Такие же кассы эмигранты открыли при Союзе русских увечных воинов в Германии, Союзе русской присяжной адвокатуры, Союзе русских журналистов и литераторов в Германии.

Одно из самых интенсивных направлений деятельности благотворительных организаций - трудовая помощь. В начале 1920-х гг. в Германии, где в городах усиливалась безработица, оказалось до 300 тысяч

⁸ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 172.

⁹ Руль. 1921. 4 февраля.

¹⁰ Руль. 1921. 13 мая.

¹¹ Руль. 1922. 4 января.

¹² Руль. 1922. 26 января.

¹³ Руль. 1921. 14 мая.

работоспособных иностранцев (включая русских)¹⁴. Правительство республики проводило последовательную политику «защиты национального рынка труда», что усугубляло и без того сложную для беженцев из России проблему трудоустройства.

Решение этого острого социального вопроса для обратившегося практически устраняло его потребность в финансовой и материальной помощи. Помощь оказывалась как прямым подбором или созданием рабочих мест, так и предоставлением возможности получить за короткий срок необходимые для какого-либо ремесла навыки. Так, в январе 1921 г. Союз русских сценических деятелей в Германии открыл артистическую биржу труда¹⁵, и уже через несколько дней десятки артистов были востребованы немецкой компанией “Maxim-Film”¹⁶. За первые три недели работы биржа утроила на работу около 200 человек, в основном на киносъемки¹⁷. Центральное бюро артелей отправляло большое количество эмигрантов на сельско-хозяйственные работы – на работников в этой отрасли в Германии имелся высокий спрос¹⁸. К 1922 г. общее число работавших в пятидесяти различных артелях при бюро достигло около 1500 человек¹⁹. Общество русских евреев в Германии в начале 1922 г. организовало обучение женщин швейному и вязальному ремеслам²⁰, а Земгор открыл бесплатные курсы бухгалтерии²¹. По нашему представлению, только трудовая помощь, оказанная русскими благотворительными организациями в 1919 – 1923 гг., способствовала адаптации нескольких тысяч эмигрантов в Германии (преимущественно в Берлине).

¹⁴ *Oltmer J.* Flucht- und Zwangswanderungen in der Zwischenkriegszeit. // Bundeszentrale für politische Bildung, 2005. S. 1. Доступно из: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossiermigration/56357/zwischenkriegszeit?p=all> (25.11.2016)

¹⁵ Руль. 1921. 25 января.

¹⁶ Руль. 1921. 28 января.

¹⁷ Руль. 1921. 6 февраля.

¹⁸ Руль. 1921. 22 апреля.

¹⁹ *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: СПАС, 1999. С. 72.

²⁰ Руль. 1922. 28 февраля.

²¹ Руль. 1922. 10 марта.

Немалый вклад в дело поддержки оказавшихся в сложных материальных условиях эмигрантов внесли иностранные и международные организации и частные лица, привлекаемые сотрудничавшими с ними русскими общественными деятелями. Прежде всего, стоит выделить Международный и Германский Красный Крест, Лигу наций и Американский союз Христианской молодежи (YMCA – Young Men's Christian Assosiation).

Одним из основных направлений деятельности Красного Креста были помощь детям эмигрантов. Значительная часть детей беженцев из России воспитывалась без родителей или в неполных семьях. В 1924 г. дети русских эмигрантов в Праге писали сочинения на тему «Мои воспоминания о России». Из 2403 сочинений 330 сообщают о смерти отца, 137 – матери, 54 – обоих родителей²². При участии немецкого Красного Креста в 1921 г. был образован Русский комитет помощи детям в Германии, обеспечивавший детей питанием и лечением, способствовавший их образованию. Комитет получал значительную помощь также от Папы Бенедикта V (559 тыс. марок), немецкого епископата²³, немецкие и русские врачи проводили бесплатные обследования и лечение²⁴. К августу 1921 г. комитет оказывал врачебную и социальную помощь уже более 500 детям в Берлине и окрестностях и планировал приступить к расширению деятельности и помогать тысячам детей эмигрантов²⁵. Некоторую заботу об эмигрантах проявляло и немецкое правительство – например, министерство иностранных дел финансировало обе русские школы в Берлине²⁶. В организации бесплатного питания в учебных заведениях Берлина для русских детей принимало участие общество квакеров²⁷. Германский

²² Цуриков Н. Дети эмиграции. // Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001. С. 32.

²³ Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 185 - 186.

²⁴ Руль. 1921. 6 сентября.

²⁵ Руль. 1921. 8 августа.

²⁶ Шлёгелль К. Берлин, Восточный вокзал. С. 163.

²⁷ Руль. 1921. 22 февраля.

Красный Крест участвовал в решении паспортных, налоговых и правовых проблем, но оставался, в целом, вспомогательной организацией.

Эмигрантская пресса и воспоминания упоминают и о роли частных пожертвований немцев. Так, И. Гессен, оказавшись в дорогом отеле «Адлон», где остановилось много богатых немцев, сумел, не выходя из здания, собрать средства для создания русской библиотеки-читальни²⁸. И. Гессену и другим эмигрантам удавалось устанавливать связи с депутатами рейхстага, министрами и использовать их для влияния на политику в отношении эмигрантов²⁹. Одним из таких чиновников был директор департамента внутренних дел д-р Бурвиг, уполномоченный по делам русских беженцев – главное лицо, с которым контактировали русские общественные организации³⁰. С августа 1922 г. с д-ром Бурвигом и представителем Ф. Нансена в Германии М. Шлезингером взаимодействовал совет представителей 17-ти русских организаций, что упрощало сотрудничество и определение приоритетов в оказании помощи беженцам³¹.

Лига наций стала главной международной организацией, имеющей полномочия для решения правовых проблем русских беженцев. 27 июня 1921 г. Совет Лиги наций принял решение о создании должности Верховного комиссара по делам русских беженцев. Им стал известный норвежский исследователь Фритъоф Нансен. Благодаря его энергичной работе проблемы русских эмигрантов и помощи голодающим в России в 1921 – 1922 гг. постепенно разрешались, хотя для Лиги наций они были, в целом, незначительны, наряду с работоторговлей, наркаторговлей и порнографией³². В 1922 г. ему удалось обратить внимание Европы и США на проблемы голода в Поволжье, в том числе для предупреждения

²⁸ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 55.

²⁹ Там же. С. 76.

³⁰ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 371.

³¹ Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. С. 391.

³² Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 3-4. 2012. С. 136.

дальнейшего исхода из России на Запад. В своих речах и книге «Россия и мир» он призывал международное сообщество спасти миллионы людей от медленной смерти, «не только Россию, но и весь цивилизованный мир» от «глубокой неисцелимой травмы»³³. Призывы находили отклик – министр иностранных дел Германии В. Ратенау утвердил принципе полной поддержки всех акций помощи голодающим, в первую очередь – русским немцам Поволжья³⁴.

Ф. Нансен до 1923 г. оставался сторонником репатриации русских эмигрантов, и, сотрудничая с советским правительством и обращая недостаточное внимание на насущные нужды эмигрантов в Германии, заслужил неприязненное отношение русских общественных деятелей. В конце 1923 г. через газету «Руль» они просили Лигу наций назначить другого Верховного комиссара по делам русских беженцев³⁵.

Влияние на негативную оценку эмигрантами деятельности Лиги наций оказал представитель Ф. Нансена в Германии М. Шлезингер. Шлезингер стремился предоставлять самую ограниченную помощь беженцам и стремился всеми способами «к сокращению невыносимой массы русских беженцев в Германии»³⁶. Начальник русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-лейтенант И.А. Хольмсен писал в марте 1922 г. генералу Шатилову, что Шлезингер добился у эмигрантов «единодушной ненависти» к своей личности³⁷. За 1919 – 1923 гг. серьезным достижением Лиги наций в деле помощи русским в Германии стало только учреждение в конце 1922 г. так называемых «нансеновских паспортов» - универсальных удостоверений личности для лиц, потерявших

³³ *Nansen F.* Russland und die Welt Berlin Verlag für Politik und Wirtschaft, 1922. S. 10.

³⁴ *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 191.

³⁵ *Бочарова З.* Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920 – 1930-е годы. // История. 2002. № 2. Доступно из: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200200201> (21.02.2017)

³⁶ Цит. по: *Ипполитов С.С., Необаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: СПАС, 1999. С. 55.

³⁷ Сводка Иностранного отдела ГПУ с изложением текста рапорта генерал-лейтенанта И.А. Хольмсена начальнику штаба Главнокомандующего Русской армией генералу от кавалерии П.Н. Шатилову о попытках Шлезингера и германского Красного Креста вмешаться в дела русской эмиграции в Германии. 22 марта 1921 г. // Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920 – 1922 гг. Книга вторая. На чужбине. Москва, Издательство «Гея», 1998. С. 492.

гражданскую принадлежность к какому-либо государству и не приобретших новую. Выдачу паспортов в Германии начали 1 октября 1923 г. Они получили распространение и международное признание, и, хотя и не давали особых прав, несколько упростили эмигрантам перемещение по миру и различные бюрократические задачи.

Значительно больших результатов и симпатии достигла американская YMCA (Young Men's Christian Association). Одним из приоритетных направлений деятельности этого союза была помощь эмигрантам в получении образования и работы. В начале 1921 г. он предложил союзу русских студентов в Германии обеспечивать 50 беднейших студентов³⁸, помогал русским объединениям в организации их проектов, устраивал студентов на работу. С сентября 1921 г. ассоциация предоставляла уже 175 стипендий русским и 50 – украинским студентам³⁹. Стипендию от YMCA получали, например, В. Андреев и Г. Чеботарев – согласно их воспоминаниям, ежемесячных 15 долларов хватало на жизни в Берлине в период инфляции⁴⁰. YMCA помогала студентам заготавливать и распределять продукты и предметы первой необходимости. Образованию отдавалось предпочтение как лучшему инструменту социальной адаптации. Секретарь ассоциации в Берлине говорил о помощи русским военнопленным, пожелавшим остаться в Германии: «Мы стремимся оказывать русским военнопленным такую помощь, которая дала бы им возможность самостоятельно стать на ноги. Во всех лагерях Германии мы открыли школы, в которых военнопленные обучаются портняжному, сапожному, столярному, переплетному и другим ремеслам. Мы снабжаем школы всем необходимым для преподавания, содержим учителей, посылаем инструкторов...»⁴¹ Выпускники этих школ, организованных американским

³⁸ Рувль. 1921. 15 января.

³⁹ Рувль. 1921. 16 сентября.

⁴⁰ *Андреев В.* История одного путешествия. // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 55; *Чеботарев Г.* Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 352.

⁴¹ Рувль. 1921. 20 февраля.

Союзом христианской молодежи, работали в артелях, их также обучали немецкому и английскому языкам.

Русские, иностранные благотворительные и общественные организации нуждались во взаимодействии друг с другом, средствах связи с эмигрантским сообществом. Эта задача выполнялась русской прессой и издательствами, которые, как грибы после дождя, возникли в Берлине в начале 1920-х гг. в большом количестве.

Наплыв эмигрантов в Германию и дешевизна производства способствовали тому, что в начале 1920-х годов были основаны и работали несколько десятков русских издательств и периодических изданий. Историк К. Шлёгел оценивает их количество в 1919 – 1924 гг. в 86⁴². Некоторые из них добивались коммерческого успеха и сотрудничали с немецкими издательскими компаниями. Например, издательский дом «Ullstein» поддерживал газету «Руль», издательства «Слово» и «Русское искусство»⁴³. В 1919-1923 гг. эмигранты в Европе выпустили почти 7 тыс. наименований книг, из них около 90% были подготовлены или напечатаны в Германии⁴⁴. Часть изданий по своему назначению служили адаптации эмигрантов. Например, книга издательства «Слово» «Русские в Германии. Юридический справочник» (автор – юрист И.М. Рабинович), выпущенная в январе 1921 г.⁴⁵, или путеводитель для русских в Берлине (изд-во Гржебина З.И., 1921 г.)⁴⁶.

Особое распространение получила в Берлине периодическая печать. В 1920 г. в Германии издавалось 10 газет и журналов, в 1921 г. – уже 24 (из них 18 журналов), в 1922 г., на пике – 55 (36 журналов)⁴⁷. Историк

⁴² Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 184.

⁴³ Root E. Die in der Zwischenkriegszeit (1919 – 1939) in Deutschland herausgegebene russischsprachige Presse und die Perspektiven ihrer Digitalisierung / von Evgeniya Root. Berlin: Institut für Bibliotheks- und Informationswissenschaft der Humboldt-Universität zu Berlin, 2014. S. 14.

⁴⁴ Drahn E. Russische Emigration. Eine kulturstatistische Studie // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics, Bd. 89, H. 1. 1930. Mohr Siebeck GmbH & Co. KG. S. 127.

⁴⁵ Руль. 1921. 16 января.

⁴⁶ Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 10.

⁴⁷ Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 137.

эмигрантской прессы Ю. Суомела пришла к выводу, что наиболее значительными, универсальными и успешными были следующие газеты «Руль», «Голос России», «Дни», «Призыв», «Новый мир», «Накануне», «Наш век» и «Новое слово». Все они выходили в Берлине и в той или иной степени освещали жизни русской колонии⁴⁸. Самой успешной и отражающей все стороны общественной деятельности эмигрантов является газета «Руль».

Главный редактор газеты И.В. Гессен возглавлял Союз русских журналистов и литераторов в Германии, Американский фонд помощи русским беженцам, он и его компаньон В.Д. Набоков были членами правления Общества помощи русским гражданам в Германии, активно участвовали в развитии русских благотворительных организаций и на страницах «Руля» призывали аудиторию к взаимопомощи. Организация благотворительных вечеров, установление ими контактов с немецкими политиками и культурными деятелями обращали внимание немецких властей на проблемы русских беженцев. Исследователь русского Берлина Н. Харина высоко оценивает роль «Союза» в налаживании общественной жизни эмигрантов⁴⁹.

Газеты эмигрантов и сами стали инструментом адаптации. В 1921 г. газета «Руль» опубликовала около 255 статей и заметок, касающихся жизни русского сообщества в Германии – о сборах средств, собраниях и мероприятиях благотворителей, о правовых и налоговых проблемах⁵⁰. Кроме того, 9,53% всех рекламных объявлений в «Руле» в 1920 – 1921 гг. – это объявления о поиске людей, направляемые их друзьями и родственниками. Иногда они находили отклик, и редакция получала благодарственные письма⁵¹. Регулярно печатались призывы о помощи и

⁴⁸ Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. / Авт. перев. с финск. Л.В. Суни. СПб: Издательский дом «Коло», 2004. С. 73 – 74.

⁴⁹ Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы) // Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 166.

⁵⁰ Руль. 1921.

⁵¹ Руль. 1920 – 1921.

частные просьбы к соотечественникам от обращающихся в редакцию.

Нередко можно встретить такие объявления:

- 1) «Если вы человек...Спасите – дайте работу! Интеллигентный, 30 лет, свободно владеющий нем. и фр. языками, отчаявшись, зовет о помощи в последний раз!»⁵²
- 2) «Крайне нуждающаяся группа офицеров б. Российской армии просит предоставить ей работу по набивке папирос. Работа проводится быстро, дешево, аккуратно и добросовестно. Moabit, Krappstr. S. Bel. Fr. Reder, Sokoloff. Расстояние не стесняет»⁵³.

Газета периодически отвечала на полученные вопросы читателей, принимала и передавала пожертвования частным лицам, ее корреспонденты брали интервью у немецких чиновников для объяснения насущных паспортных, правовых и налоговых вопросов. Вовлеченность ее редакции в общественную жизнь позволяла ей оперативно реагировать на актуальные запросы аудитории и помогать эмигрантскому сообществу. Газеты «Накануне», «Дни» и другие также обладали социальным значением. Таким образом, русская пресса в Германии (и особенно в Берлине) выполняла интегрирующую функцию в отношении союзов и обществ русской колонии и ее жителей.

Косвенным подтверждением успеха русских общественных объединений могут служить не только приведенные выше данные о конкретных объемах оказанной помощи, но и тот факт, что эти организации имели средства для расширения своей деятельности за пределы эмиграции, для участия в спасении страдающих от голода в России. В июле 1921 г. был создан Берлинский общественный комитет помощи голодающим, его мероприятия поддержали также студенческие организации, Земгор, Русский Красный Крест и др. Русская берлинская пресса ежедневно и единодушно

⁵² Рувль. 1921. 6 апреля.

⁵³ Рувль. 1921. 1 ноября.

призывала помочь голодающим⁵⁴. 7 октября 1921 г. очередная заметка на эту тему в газете «Руль» получила заголовок «О том же»⁵⁵.

Ко второй половине 1921 г. десятки объединений снижали нужду беженцев, не обладавших возможностью самостоятельно и быстро адаптироваться к жизни за границей, а также компенсировали давление, оказываемое на эмигрантов как экономическими трудностями, так и немецкими властями. Так, например, Союз русской присяжной адвокатуры учредил в мае 1921 г. Постоянный Третейский суд для разрешения гражданских и коммерческих конфликтов в досудебном порядке. Этот неофициальный суд пользовался спросом, так как немецкий суд, помимо языкового барьера, был еще и дорог для иностранцев⁵⁶. Общественные организации служили подушкой социальной безопасности для эмигрантов, предотвратив гуманитарную катастрофу в 1919 – 1923 гг.: люди получали жилье, доход, образование, медицинскую и правовую помощь, устанавливали новые социальные связи.

§ 2. «Обременительные иностранцы». Русские эмигранты и германские власти.

В 1919 – 1922 гг. Германия отличалась относительной лояльностью по отношению к эмигрантам в вопросах допуска их на свою территорию. В 1919 – 1920 гг., когда русская диаспора еще была на стадии формирования как сообщества, ничто не предрекало столь массового исхода из России, и немецкое правительство принимало беженцев, не создавая им препятствий для пребывания. Одним из элементов общественного дискурса в отношении русских эмигрантов в Германии в начале 1920-х гг. стала уверенность в скором падении советского режима и высокой роли эмигрантов в управлении новой Россией. В декабре 1920 г. в Берлине была опубликована книга Зигфрида Дершлага под названием «Протяните русским руку» о

⁵⁴ Урядова А.А. Голод в 1920-х гг. в России и Русское Зарубежье / Анна Урядова. СПб: Алетей, 2010. С. 20; С. 109.

⁵⁵ Руль. 1921. 7 октября.

⁵⁶ Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. С. 62.

совместном будущем и сотрудничестве России и Германии в построении истинной демократии⁵⁷. На это восприятие эмигрантов указывали И.В. Гессен⁵⁸, газета «Daily Telegraph» в 1920 г.⁵⁹, исследователи А.В. Винник, Н.А. Харина⁶⁰.

С увеличением числа беженцев и продолжением экономического кризиса послевоенной Германии вопрос русских эмигрантов приобрел в дополнение к политическому социально-экономическое значение, что оказалось неизбежно в стране, где настоящий кофе был дефицитом, сигары делали из пропитанных никотином капустных листьев, а рейхсрат запретил производить пирожные из молока, сливок, масла и более 30% настоящей муки⁶¹. Социальная ситуация не только в 1923 г., но на протяжении всего периода 1919 – 1932 гг. оставалась угрожающей.

В 1921 г. стало понятно, что русская эмиграция носит долговременный характер, и нейтральное отношение правительства к русским эмигрантам стало меняться. 15 декабря 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли решение лишить российского гражданства лиц, находящихся за пределами России более пяти лет. В перспективе это означало, что вскоре десятки тысяч русских в Германии станут лицами без гражданства, и при необходимости их невозможно будет выслать из страны. Министерство иностранных дел стремилось интернационализировать вопрос русских беженцев⁶², воспринимаемых как обуза для немецкой экономики. Для снижения привлекательности Германии как пристанища для беженцев с Востока правительство предприняло ряд ограничительных мер.

⁵⁷ Рувль. 1920. 19 декабря

⁵⁸ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 30.

⁵⁹ Рувль. 1920. 11 декабря

⁶⁰ Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 363; Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). С. 150.

⁶¹ Рувль. 1921. 20 февраля.

⁶² Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 264.

Для легального и безопасного проживания в Германии иностранцам надлежало по прибытии зарегистрироваться и затем продлевать разрешительные документы. Так, в Берлине всякому беженцу предписывалось заявиться в главное квартирное бюро (Wohnungsamt) и направиться в его районные отделы, где производилась регистрация по выбранному месту жительства⁶³. До 1922 г. выдаваемые документы, разрешающие проживание, продлевались каждые три месяца. С 1922 г. регистрацией занималась полиция (Polizeipräsidium). Беженцы с просроченными документами арестовывались, направлялись в беженские лагеря и при возможности репатриировались.

Вместе с тем десятки тысяч эмигрантов избегали всякой регистрации немецкими учреждениями, а полиция не обладала силами, достаточными для выявления всех нарушителей, хотя облавы и проверки документов регулярно производились на улицах Берлина. Уклонения от регистрации связаны с неудобствами процедуры получения удостоверений личности (Personalausweis) – выдаваемые на время (до 3 месяцев), с большими хлопотами, они могли быть утрачены, при выезде из Германии даже на несколько дней и затем приходилось повторно инициировать этот бюрократический процесс, и без гарантии его успешного завершения.

Попытка получить удостоверение, не увенчавшаяся успехом, могла завершиться высылкой. Это могло коснуться тех, кто уже какое-то время жил без документов, а также не имевших официально подтвержденного «определенного занятия» (а случайными заработками жили тысячи эмигрантов)⁶⁴. А с конца 1921 г. разрешения на пребывание выдавались только иностранцам, присутствие которых было желательным или не вредило стране с точки зрения переживаемых ею трудностей. На практике это означало, что иностранцы все чаще оседали в Германии по проездным визам и тем самым нарушали правила пребывания⁶⁵. Только спустя

⁶³ Руль. 1921. 10 декабря.

⁶⁴ Руль. 1921. 11 августа.

⁶⁵ Руль. 1921. 9 ноября.

несколько месяцев полицейский президиум сделал послабление, увеличив срок действия удостоверений с 3 месяцев до «неопределенного времени»⁶⁶.

В январе 1922 г. немецкие официальные органы заявили, что «они будут стараться в дальнейшем освободить Германию от чуждых этнических элементов»⁶⁷. С июня 1922 г. правила получения Personalausweis усложнились – следовало знать немецкий язык и не иметь возможности вернуться в Россию по политическим обстоятельствам⁶⁸. Беженцу необходимо было доказать, что он не может получить советский паспорт. По нашему представлению, вводившиеся ограничения пополняли количество эмигрантов, проживавших в Германии нелегально.

Уклонения многих эмигрантов от соблюдения правил проживания в Берлине, их участие в конкуренции за рабочие места и жилые помещения обусловили политику, которую С. Ипполитов характеризует как политику «наименьшего благоприятствования» русским эмигрантам со стороны немецкого государства⁶⁹. Беженцы воспринимались как, прежде всего, иностранные работники, лишние на немецком рынке труда⁷⁰. 23 марта 1922 г. берлинский полицейепрезидент В. Рихтер сделал высказывание, отражающее отношение официальных учреждений Германии к вопросу русских беженцев: «В последнее время Берлин переполнен иностранцами, большинство их прибыло с Востока. Многие из них перешли незаконно границу или злоупотребляют оказанным им гостеприимством. При настоящих условиях, когда мы сами переживаем чрезвычайно трудное время и терпим нужду во всех жизненных областях, мы вынуждены применять меры для очищения Берлина от нежелательных элементов... Мы всячески сочувствуем русским и в каждом отдельном случае принимаем во внимание все обстоятельства, сопровождающие арест; но при всем нашем

⁶⁶ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 62.

⁶⁷ Цит. по: Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. С. 56.

⁶⁸ Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. С. 365.

⁶⁹ Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. С. 56.

⁷⁰ Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 263.

сочувствии мы должны исходить не из русской, а из чисто немецкой точки зрения»⁷¹.

Вместе с тем Рихтер указал на необходимость облав и проверок документов с точки зрения поддержания общественной безопасности. Подобные акции, затрагивавшие, прежде всего, русских эмигрантов как самое большое национальное меньшинство, были направлены против иностранцев вообще (в том числе евреев, поляков и др.). Это национальное равенство перед законом неоднократно подчеркивалось немецкими официальными лицами. Среди русских sporadически возникали слухи о якобы готовящихся против них репрессиях и массовых высылках. Полиция успокаивала их: так, чиновник полиции Вейс уверял корреспондента Руля С. Левина, что все слухи о высылках являются вымыслом, и усиление контроля и проверок документов имеет в виду только обнаружение «обременительных иностранцев» (“lästige Ausländer”) - тех, кто нарушает условия пребывания в Германии⁷².

Ограничительная политика по отношению к эмигрантам мотивировалась и опасениями немецкого правительства, связанными с коммунистически настроенными беженцами и возможными агентами в их среде. Большевицкая пропаганда в условиях политической нестабильности становилась опасным, деструктивным явлением. Уже летом 1919 г. в беженских лагерях Германии появлялись советские плакаты⁷³. Волнения коммунистов провоцировали жесткие полицейские акции – только в марте 1921 г. (во время «Мартовского восстания») в Берлине, хотя он и не стал очагом беспорядков, полиция арестовала около 500 коммунистов⁷⁴. Берлинская полиция разыскивала коммунистов и в среде эмигрантов – так, некая русская подданная Фридендер, которая под

⁷¹ Руль. 1922. 23 марта.

⁷² Руль. 1921. 31 июля.

⁷³ Колосова В.О. Лагеря русских беженцев в Германии (1919 – 1922) // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 154.

⁷⁴ Руль. 1921. 31 марта.

именем Рут Фишер вела коммунистическую пропаганду и призывала к убийству Гинденбурга и Людендорфа, была в розыске в июле 1921 г.⁷⁵. Большевистские агитаторы подлежали высылке. Подозрения в подрывной деятельности исходили и от населения – в декабре 1920 г. полиция получила донос о якобы замеченной доставке оружия в здание общественного собрания русских эмигрантов в Берлине⁷⁶. И немецкие власти имели основания для подозрений. В. Маяковский, будучи в Берлине в 1922 г., писал⁷⁷:

Поймут, поймут и глупые дети,
Если здесь хоть версту пробрели,
Что должен отсюда родиться третий –
Третий родиться – Красный Берлин.
Пробьется, какие рогатки не выставь,
Прорвется сквозь штык, сквозь тюремный засов.
Первая весть: за коммунистов
Подано три миллиона голосов.

Революционные потрясения предрекали миллионы людей. «...осенью 1922 года я вместе с другими ждал революцию», - писал И. Эренбург⁷⁸.

Анализ прессы и мемуаров жителей русского Берлина показывает, что самой сложной проблемой адаптации в Германии стали все же не политические и бюрократические, а социально-экономические трудности. И ограничения, вводимые германскими властями, упоминаются в первую очередь в связи с этой проблематикой. Благожелательность немецкого правительства ограничивалась разрешением пребывания на своей территории (что уже было немало в тот период), заботой о лагерях беженцев (до их ликвидации в 1922 г.) и стремлением не допустить гуманитарной катастрофы в среде живущих в Германии иностранцев. В вопросах социально-экономической адаптации беженцы могли полагаться в основном на себя и русские общественные и международные организации. Даже русские немцы, которых, в отличие от русских, немецкое государство

⁷⁵ Руль. 1921. 15 июля.

⁷⁶ Руль. 1920. 11 декабря.

⁷⁷ Цит. по: Попов А.Н. Русский Берлин / А.Н. Попов. М.: Вече, 2010. С. 192.

⁷⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга третья и четвертая. М., «Советский писатель», 1963. С. 27.

пригласило на историческую родину, выражали разочарование оказанным им приёмом. Экономический кризис и их поставил в положение «обременительных иностранцев»⁷⁹.

Иностранцы в Германии не могли претендовать на государственные пособия (7 марок в неделю в 1921 г.), хотя могли получать половину от этой суммы (50 пфеннигов ежедневно⁸⁰), выдаваемых рабочим иностранцам, выстаивавшим за ними в долгих очередях – и этой суммы едва было достаточно для покупки газеты. Самостоятельный заработок осложнялся растущей безработицей, ставшей самым запоминающимся явлением 1920-х гг. в памяти поколения⁸¹. Вереницы очередей у бирж труда в 1921 г. превратились к 1923 г. в толпы. Достаточно серьезным ограничением для эмигрантов стали меры, принимаемые немецкими биржами труда и профсоюзами для защиты местного населения на рынке труда. В условиях растущей безработицы начала 1920-х гг. иностранцы могли рассчитывать на получение только самых непривлекательных рабочих мест – работников сельского хозяйства, прислуги, реже – переводчиков, машинистов и других профессий. Весной 1922 г. этот действующий на практике принцип был объявлен министерством труда – беженцы могли рассчитывать только на помощь государства в получении работы в сельском хозяйстве на предприятиях, где не хватает немецкой рабочей силы⁸². Доступ к работе осложнялся для многих и проблемами с документами.

Ограничения прав иностранцев проявлялось и в ценообразовании на различные социальные блага. Более высокими, чем для немецких граждан, были цены доступа к судам, налоги и оплата предоставляемого городом жилья⁸³. Вдвое больше для иностранцев составляла и плата за образование в

⁷⁹ *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 198.

⁸⁰ *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 183.

⁸¹ См. *Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit.* /Herausgegeben von Rudolf Pörtner. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993.

⁸² *Винник А.В.* Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. С. 364.

⁸³ *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006.С. 388.

высшей школе⁸⁴. В вопросах налогообложения иностранцы обладали некоторыми льготами. Так, не уплачивался налог «пожертвование государству в нужде» (Reichsnotopfer), другие чрезвычайные послевоенные сборы⁸⁵. Налоги на недвижимость и взимаемые с трудовых доходов (6,5%⁸⁶) и доходов юридических лиц (не менее 20%⁸⁷) не превышали тех, что уплачивали немецкие граждане.

Обоснованная экономическим кризисом и политическими рисками ограничительная политика в отношении русских эмигрантов проявлялась в низком доступе к различным социальным благам (образование, рабочие места, суды, жилье, получение документов). Ответом на это давление стало настороженное отношение к государственным учреждениям Германии и их официальным лицам. В то же время на страницах прессы и в мемуарах мы не находим возмущения против ограничений германских властей и даже встречаем понимание этой политики. 20 января 1921 г. газета «Руль» писала: «В роли непрошенных и навязанных гостей, к тому же гостей голодных и холодных, не должно отличаться особым самолюбием, и если даже хозяева иной раз прикрикнут, не следует на них обижаться. Мы, русские, это понимаем и не обижаемся»⁸⁸.

Эмигранты, тем не менее, накапливали негативный опыт в контактах с государством. И. Гессен в воспоминаниях характеризует положение эмигрантов в Европе как «бесправие»⁸⁹. Таким же словом в 1920 г. описал правовой статус беженцев А.С. Яценко на страницах «Русского эмигранта»⁹⁰. Обращает на себя внимание, что в обоих случаях это определение применяется к правовому положению эмигрантов не только в Германии, но вообще в Европе, где в послевоенное время присутствие сотен

⁸⁴ Руль. 1920. 22 декабря.

⁸⁵ Руль. 1920. 9 декабря.

⁸⁶ Руль. 1921. 21 октября.

⁸⁷ Руль. 1920. 17 декабря.

⁸⁸ Руль. 1921. 20 января.

⁸⁹ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 25.

⁹⁰ Яценко А.С. Юридическое положение русских за границей. // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 38.

тысяч эмигрантов означало дополнительную нагрузку на экономику, и еще не были выработаны нормы, закрепляющие права беженцев. До 1923 г. многие неудобства компенсировались наличием у некоторых эмигрантов накоплений, работой русских общественных организаций и инфляцией, удешевлявшей стоимость жизни.

В отличие от отношений с государством, линия поведения которого в отношении эмигрантов оставалась более или менее последовательной с 1921 г., рассмотрение отношений русских с местным населением дает более сложную картину.

§ 3. Русские эмигранты и немцы. Культурный трансфер и замкнутость повседневности.

Первая мировая война практически не наложила отпечаток на отношения рядовых русских и немцев. Татьяна Меттерних, семья которой переехала в Германию в 1919 г., вспоминала, как в Кёнигсберге немецкие дети спорили с ее другом, кидали в его сторону камни с криками “Russland kaputt!”⁹¹. Но если подобные явления могли происходить в среде детей, то для взрослых былая вражда их государств не стала источников конфликтов в личных отношениях.

Русская берлинская газета «Время» писала 5 декабря 1921 года: «Взвинченные войной предрассудки против германской культуры уже отпали»⁹². «Война и прошлая вражда была будто забыта», - вспоминал И. Гессен⁹³. То же отсутствие враждебности на почве мирового конфликта констатировали и немцы. На одной из встреч с русскими благотворителями в декабре 1921 г. немецкий писатель Бернгард Келлерман говорил: «Если война не могла потрясти дружбу обеих соседних наций, - то общее несчастье усилило только их взаимные симпатии»⁹⁴. Несколько недель спустя крупная газета «Vossische Zeitung» писала о русских эмигрантах:

⁹¹ *Metternich T.* Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976. S. 26.

⁹² *Время.* 1921. 5 декабря.

⁹³ *Гессен И.В.* Годы изгнания. С. 33.

⁹⁴ *Руль.* 1921. 18 декабря.

«...общность судеб, которую создала эта война для побежденных, побуждает к тому, чтобы задуматься кроме сиюминутных тягот о грядущих возможностях сотрудничества»⁹⁵. У немецкой интеллигенции и прессы русские беженцы неизменно находили понимание и солидарность как представители страны, как и Германия, разрушенной в результате войны. «Общие несчастья привлекли к русским беженцам симпатии немцев»⁹⁶, - вспоминал Григорий Чеботарев. Эти симпатии со стороны немецкой интеллигенции, политиков-монархистов и аристократии, особенно отмечавшиеся во время становления русского Берлина, усиливались социальной близостью с контактировавшими с ними русскими и уверенностью, что вскоре эмигранты займут руководящую роль в России, и в союзе с Германией смогут решить европейские задачи обоих государств. Дискурс возможного геополитического сотрудничества происходил и в среде немецких обывателей (применительно и к РСФСР). «Немцы всех слоев общества, с которыми я сталкивался в поездах или где-нибудь еще, обычно переводили разговор на возможность нового раздела Польши между Германией и Россией»⁹⁷, - писал Г. Чеботарев.

Изначально контакты немцев и русских эмигрантов, – контакты политиков и культурных деятелей, аристократов и интеллигенции, составивших друг о друге первое впечатление. По выражению В. Андреева, русских «перед Европой представляют Алексей Толстой, Ремизов, Андрей Белый, Карсавин, Франк, Степун» и другие выдающиеся деятели искусства⁹⁸. Можно согласиться с французским историком Кармен Эннеш: «...не подлежит сомнению тот факт, что особо сильное впечатление на буржуазию европейских столиц произвел прежде всего именно первый поток беженцев, принадлежавших к самой высокой касте русского

⁹⁵ Цит. по: Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). С. 149.

⁹⁶ Чеботарев Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 359.

⁹⁷ Там же. С. 361.

⁹⁸ Андреев В. История одного путешествия. // Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 55.

общества»⁹⁹. Это впечатление и драматизм русской революции и исхода пробудили в образованных городских кругах стран-реципиентов интерес к русской культуре. Интеллигенция и рядовые артисты из числа русских беженцев активизировали процесс культурного трансфера.

Возникло явление «русской моды» (Russenmode), означавшей широкий интерес немцев к русскому искусству. Русская и немецкая творческая жизнь в Берлине били ключом. Эмигранты основывали театры, кабаре, хоры, танцевальные и музыкальные клубы, издательства etc. Русские художники, писатели, музыканты и кинематографисты нашли у немецких коллег и аудитории хороший прием. На одной из встреч с русскими эмигрантами немецкий писатель Б. Келлерман говорил: «Ваши Пушкин, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский, Горький, Чехов, Андреев и многие, многие другие знакомы теперь всякому образованному немцу. И я позволю себе утверждать, не впадая в преувеличение, что никакой из нерусских народов не воспринял этих писателей с такой сердечностью и с таким рвением, как немецкий»¹⁰⁰. Келлерман, действительно, не преувеличивал. Темы русской души, юности, религиозности нашли отражение в творчестве О. Шпенглера, Г. Гессе, Т. Манна¹⁰¹. Томас Манн восхищался и русской поэзией, оказывал помощь А. Ремизову и считал, что «Берлин должен быть горд тем, что принимает одного из первых поэтов России»¹⁰². Большое признание получило и русское театральное искусство в Берлине¹⁰³, и немцы в берлинской опере ставили Чайковского с участием русских артистов. Триумфом русского искусства стала выставка художников, состоявшаяся в Берлине в 1922 г.¹⁰⁴.

⁹⁹ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы). С. 125.

¹⁰⁰ Руль. 1921. 18 декабря.

¹⁰¹ Williams R.C. "Changing Landmarks" in Russian Berlin, 1922-1924. // Slavic Review, Vol. 27, № 4, 1968. Association for Slavic, East European, and Eurassian Studies. P. 581.

¹⁰² Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film. / Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1990. S. 116.

¹⁰³ Böhmig M. Das russische Theater in Berlin 1919 – 1931 / Michaela Böhmig. München: Sagner, 1990. S. 162 - 163.

¹⁰⁴ Выставлялись работы В. Кандинского, М. Шагала, Д. Бурлюка и др.

Известный немецкий критик, авангардист, архитектор Адольф Бене назвал ее самым ярким художественным событием Германии за долгие годы¹⁰⁵.

Особого внимания заслуживает место русского в немецком кинематографе начала 1920-х гг. Русские эмигранты, работавшие с немецкими кинокомпаниями, непосредственно участвовали в производстве. Использовались сюжеты из русской литературы и истории: «Братья Карамазовы», «Пиковая дама», «Тарас Бульба», «Сказки Шахерезады» и Степан Разин. Немецкое кино захлестнула «русская волна». Немецкий режиссер Фридрих Цельник создал ряд экранизаций русской классики: «Анна Каренина» (1920), «Крейцера соната» (1922), «Униженные и оскорбленные» (1922) и др.¹⁰⁶. Известный немецкий кинокритик З. Кракауэр отмечал, что немецкое кино в целом подверглось сильному влиянию идей Достоевского¹⁰⁷. Исследователь О. Булгакова отмечает, что характерной чертой культурного обмена в кинематографе являлось стремление к стереотипизации русских, преподнесению русских сюжетов в экзотичном стиле – с медведями, балалайками и цыганами¹⁰⁸. Воспроизводя стереотипы о себе даже более ярко, чем немцы, продукты творчества эмигрантов должны были лучше продаваться, опознаваться как «русские» и приниматься аудиторией¹⁰⁹.

И. Гессен, вспоминая, что «немцы усиленно культивировали русскую музыку», отмечал воспроизведение стереотипов и в этом жанре. Особенное раздражение у Гессена вызывали соотечественники, охотно приглашаемые немцами в качестве консультантов и художников для производства этого «кощунства»¹¹⁰. Подобную реакцию на насыщенность культурного обмена стереотипами, национальными клише выражал и немецкий журналист

¹⁰⁵ Behne A. On the Russian Art Exhibition in Berlin 1922. // The Weimar Republic sourcebook / ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1995. P. 489.

¹⁰⁶ Bulgakova O. Typologie des russischen Emigrantenfilms. Russische Film-Emigration in Deutschland. // EUROPA ORIENTALIS 14. 1995, № 2. S. 38 – 40.

¹⁰⁷ Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. / пер. с англ. М.: "Искусство", 1977. С. 114.

¹⁰⁸ Такими изображал русских и самый известный немецкий карикатурист того времени Георг Гросс. См. Приложение № 5.

¹⁰⁹ Bulgakova O. Typologie des russischen Emigrantenfilms. S. 38.

¹¹⁰ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 85.

Йозеф Рот в статье «Царские эмигранты» («Frankfurter Zeitung», 1926). Русские «делали нам одолжение, приспособиваясь к нашим клише», - писал он¹¹¹.

Изучая источники личного происхождения немецкого высшего общества, историк К. Шлёгель пришел к выводу, что в 1920-е годы присутствие русского в культурном поле европейцев было абсолютно естественным¹¹². Но *Russenmode* так и осталась для большинства немцев мимолетным увлечением искусством и стереотипами о русских. В той же статье Й. Рот писал: «Эмигранты сотнями основывали театры, певческие хоры, танцевальные ансамбли и капеллы балалаечников. Года два все это казалось новым, потрясающим, подлинным. Потом стало привычным и скучным. [...] мы, плечом к плечу и в ногу со временем, перешагнули через этих потерянных и потерявшихся...»¹¹³ Взаимопроникновение культур, таким образом, оказывается явлением ограниченным, включавшим в себя избранных представителей немецкой и русской интеллигенции. Для большинства жителей Берлина как центра русской эмиграции знакомство с русским характеризуется поверхностным, стереотипным восприятием. Немцы посещали русские театры, кабаре, но, по словам одного эмигранта, «там, где они лишь хохочут, нам порой плакать хочется»¹¹⁴.

Отчасти стереотипное восприятие объясняется кратковременностью контактов, протекавших на фоне бурных политических и экономических потрясений. С другой стороны, распространенность стереотипов о русских среди немцев – результат деятельности самих эмигрантов, таким образом презентующих свою нацию, а также одно из свидетельств замкнутости эмиграции, ее ориентации на русскую культуру и русскую коммуникативную среду. Состояние почти параллельного сосуществования

¹¹¹ Рот Й. Берлин и окрестности: [сб. статей и очерков]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 92.

¹¹² Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 107.

¹¹³ Рот Й. Берлин и окрестности. С. 94 – 96.

¹¹⁴ Цит. по: Боулт Дж. Бегство в Берлин. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 228.

русских и немцев, при котором контакты остаются редкими и поверхностными, поддерживалось и отмечалось обеими сторонами.

Рядовые русские эмигранты занимали в немецком публичном поле довольно незначительное место. В первую очередь, в фокусе немецких СМИ находилась насыщенная внутривосточная жизнь Германии и тесно связанная с ней внешняя политика. У одного современника мы находим описание тем, которыми интересовались немецкие образованные круги в 1920-е годы: «На выбор: Пуаре, Кунен, модные магазины, манекенщицы, гольф-клубы, игра в поло, загородные дома, Рихард Штраус в Вене, Достоевский, Форд, Ленин, Штресеман, выборы 1928 года, Будда, Ганди, искусство Юго-Восточной Азии, йогурт, калории, Киссинген, Мариенбад, курсы по омоложению и по избавлению от избыточного веса, Фрейд, психоанализ, Эдипов комплекс, граф Кайзерлинг и «школа мудрецов» в Дармштадте, Либерман, Пикассо, Зинтенис, Пискатор, Фелинг, Иснер, дадаизм, негритянское искусство, астрология, графология, ясновидение, Коннерсройт, Роллс-Ройс, Мерседес, Испано-суиза, новый Форд, джаз и музыка сфер. А что вы думаете о твисте, новом танце?»¹¹⁵ В этом наблюдении неслучайно упомянуты именно Достоевский и Ленин: первый олицетворяет интерес немецкого общества к русской культуре, второй – влияние на него русской революции и ее идей.

Внимание прессы, если речь заходила о России, привлекали, прежде всего, события революции и гражданской войны, будущие отношения Германии и РСФСР и русское искусство. Реже публиковались новости о громких преступлениях, совершаемых эмигрантами, статьи о русском эмигрантском сообществе, жизни его рядовых представителей и его проблемах¹¹⁶. Так, главная ежедневная берлинская газета «Berliner Tageblatt», отражавшая все стороны жизни города, в последнем квартале

¹¹⁵ Цит. по: Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 114.

¹¹⁶ См. Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы.

1921 г. посвятила уже значительным по численности русским эмигрантам одну небольшую заметку (меньше страницы в 20-страничном номере), дающую общие сведения о беженцах¹¹⁷. При этом в 1922 г. немецкое общество и СМИ «переключились» с эмигрантов на контакты с новой Россией¹¹⁸, эмиграция уже перестала быть новостью, но еще включилась в полной мере в жизнь Берлина, существуя обособленно.

Этот ограниченный интерес к беспрецедентной по масштабам эмиграции у немцев детерминируется, с одной стороны, насыщенной политическими и экономическими проблемами жизнь Германии начала 1920-х годов, с другой – собственным стремлением русского сообщества к обособлению, ставшим одной из проблем адаптации эмигрантов первой волны в Берлине (похожие тенденции наблюдались и в других европейских странах-реципиентах). Если прослойка, участвующая в культурном трансфере, некоторые коммерсанты и младшее поколение эмиграции находились в более или менее тесном контакте с немецкими гражданами, то большая часть русской колонии держалась обособленно. Феномен, получивший наименование «невидения заграницы», фиксировался самими эмигрантами и оценивался как фактор дезадаптации, губительный для судьбы русских беженцев.

Вадим Андреев и Иосиф Гессен в своих воспоминаниях, характеризуя связь русских и немцев в Берлине используют одну и ту же метафору: русские в Шарлоттенбурге – как масло, погруженное в воду, не смешивалось с ней¹¹⁹. Гессен добавляет к этому описанию характеристику «государство в государстве». Это поведение русских в Берлине фиксировала и эмигрантская пресса, и мемуаристы. В. Шкловский также отмечал замкнутость русской колонии в Берлине: «Мы никуда не ездим, везде одно и то же, живем среди немцев, как море, зажатое своими

¹¹⁷ Berliner Tageblatt. 1921. 24 Dezember.

¹¹⁸ Шлёгелъ К. Берлин, Восточный вокзал. С. 122 – 123.

¹¹⁹ Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 6; Гессен И.В. Годы изгнания. С. 33.

берегами»¹²⁰. Одно из наиболее красочных описаний явления обособленности дает Лев Лунц: «...русские с немцами вообще не встречаются, не разговаривают, не якшаются. Есть эмигранты, живущие в Берлине 4-5 лет и по-немецки, кроме слова «биттэ», ни с места. Потому что говорят только друг с другом, покупают в своих русских магазинах, читают русские газеты. Единственный представитель германской нации, с которым эмигрант имеет дело, - это квартирная хозяйка. Отсюда ненависть ко всему германскому... Они не видели ничего немецкого. Ни разу не были в немецком театре, в немецком музее, на фабрике. Не прочли ни одной немецкой книги... Да еще ездят в Потсдам, для того чтобы сказать: у нас в Царском Селе и Петербурге куда лучше»¹²¹. В последнем предложении Л. Лунц невольно объясняет это поведение. В русской эмиграции одним из массовых психологических переживаний были ностальгия и восприятие нынешнего своего состояния как временного¹²². Поэт Г. Адамович, эмигрировавший в 1923 г. в Берлин, а после – во Францию, где прожил всю дальнейшую жизнь, вспоминал: «Я уехал в 1923 году, с твердым намерением вернуться не позднее чем через шесть месяцев: это было время нэпа, когда все, казалось, входило в привычное русло»¹²³. В течение всего периода 1919 – 1923 гг. и даже позднее значительная часть эмиграции ожидала возможности возвращения на родину. Неслучайно большая часть содержания эмигрантской прессы – статьи и заметки о России: ее прошлом, настоящем и будущем. Утрата социального статуса большинством эмигрантов, проблемы заработка, знания языка и неподготовленность к смене страны проживания компенсировались ожиданием поражения большевиков и возврата к прежней жизни. Естественным продолжением этих

¹²⁰ Цит. по: *Баев В.Г.*, Германское государство в межвоенный период 1919-1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60-80-х гг. XX в.: Монография / В. Г. Баев; М-во образования Рос. Федерации, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 17.

¹²¹ Цит. по: *Шлёгел К.* Берлин, Восточный вокзал. С. 286.

¹²² *Жуков В.Ю.* Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; науч. Редактор В.Ю. Черняев. СПб: СПбГАСУ, 2011. С. 13.

¹²³ Цит. по: *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 104.

надежд, по нашему представлению, является представление эмигрантов о возможности отказа от сложного адаптационного процесса, максимальной связи своей повседневности с соотечественниками.

Примечательно, что в мемуарах старшего поколения эмигрантов первой волны практически не упоминаются случаи эмоционально близких, дружеских связей с немцами, хотя в решении профессиональных вопросов контакты с немцами были распространены¹²⁴. Так, Гессен не установил дружеских отношений ни с одним немцем за долгие годы пребывания в Берлине: «Бесспорно, мешало этому и плохое знание языка, да и возраст был уже не тот, чтобы плести новые интимные нити»¹²⁵. Григорий Чеботарев также не упоминает, чтобы среди его-товарищей студентов у него появились друзья, хотя он был молод, свободно владел немецким языком и не испытывал проблем в общении с немцами¹²⁶.

Трудности адаптации эмигрантов связаны не только со знанием языка страны-реципиента, но и с психологическими особенностями процесса интеграции. Эмигранты разных этносов и социальных слоев имеют, как правило, схожие психологические переживания. Ощущение утраты, психическая травма, напряжение, страх быть отвергнутым не позволяют быстро установить контакты с новым культурным окружением даже при знании языка и менее экстремальных условиях смены страны проживания, чем те, в которых произошла первая волна русской эмиграции¹²⁷. В. Андреев вспоминал: «Вначале мне казалось, что Берлин окружил меня каменным молчанием. Я не чувствовал в себе силы войти в жизнь и был полон смущения перед собственной душевной неустроенностью. Бродил по

¹²⁴ См. *Russen in Berlin: eine kulturelle Begegnung; 1918 – 1933 / hrsg. von Fritz Mierau*. Weinheim, Berlin: Quadriga-Verlag, 1988; *Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003; раздел «Мемуары» в списке использованных источников и литературы в конце работы.

¹²⁵ *Гессен И.В.* Годы изгнания. С. 61.

¹²⁶ *Чеботарев Г.* Правда о России. С. 359.

¹²⁷ *Хрусталева Н.С.* Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 1. С. 253 – 255; *Хрусталева Н.С.* Психология эмиграции. Социально-психологические и личностные проблемы. / Автореферат диссертации на соискание ст. д-ра психологических наук. СПб, 1996. Доступно из: <http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy> (12.06.2016)

улицам, всматривался в лица прохожих, изредка знакомился с новыми людьми, но сразу же начинал их сторониться, и люди уходили, нисколько не заинтересованные моей хмуростью и отчужденностью. Так прошло несколько месяцев, прежде чем мне удалось преодолеть себя самого»¹²⁸. Замкнутость русской эмиграции в Берлине в начале 1920-х гг. – явление многослойное. С одной стороны, сохранение развитой русской общины позволяло решить многие бытовые задачи, зарабатывать, получать помощь. С другой – это проявление массовой психической травмы, переживаемой эмигрантами на первом этапе смены культурной среды проживания, стремление упростить процесс адаптации, избежав самой болезненной ее части – выхода за рамки привычной социокультурной среды. Как и в случае В. Андреева, с течением времени многие русские эмигранты преодолевали это состояние сами и призывали других к активизации контактов с немцами¹²⁹.

В декабре 1921 г. газета «Время» рекомендовала эмигрантам обратить внимание на немецкую жизнь и включиться в нее: «Не пора ли нам одуматься и сбросить с себя беженские ризы? Или, вернее, сбросить с себя путы беженской психики? Не пора ли громко сказать и себе, и другим, что мы, попавшие на простор западной культуры, свершаем грех, загоняя самих себя в эмигрантское подполье? Теперь, когда первое ошеломление после невольного бегства, первое изумление перед новым и непонятым прошло, преступно и глупо создавать муравьиную кучу, копаться в затхлой атмосфере эмигрантской среды и вариться в собственном беженском соку?»¹³⁰ Определения «подполье», «вариться в собственном соку» очень четко характеризуют стремление русских к изоляции от окружающего их коренного населения и ориентацию на соотечественников при выполнении повседневных задач. У одного из берлинцев мы также находим призыв к

¹²⁸ Андреев В. История одного путешествия. С. 54.

¹²⁹ Экономический кризис 1923 г. прервал процесс развития русского сообщества в Берлине, что не позволяет нам полноценно проанализировать этот процесс.

¹³⁰ Время. 1921. 5 декабря.

взаимному сближению: «Два мира без мостов, два строго ограниченных государства. Русские остаются русскими, даже на Неппском проспекте¹³¹ в Берлине, мы, немцы, живем по нашим правилам... Мимо скольких Базаровых, Карамазовых, Обломовых и Онегиных мы прошли? Сколько Анн Карениных мы проглядели? Мосты от немцев в русский мир должны быть проложены»¹³². Помимо призыва к действию, оставшемуся практически без ответа, в этом высказывании содержится еще одна интересная особенность взаимного восприятия русских и немцев. Замкнутость беженского сообщества способствовала немецкому восприятию русских преимущественно сквозь призму знаний об их культуре и стереотипов. Кроме того, миф о русской эмиграции как аристократической расцвел уже у современников. В каждом русском обывателе немецкий наблюдатель стремится угадать героя русской литературы или, по меньшей мере, графа или князя. Эта роль легко воспринималась европейским обществом – оно само способствовало распространившемуся среди эмигрантов самозванству, покупке и присваиванию титулов. Так, немецкие берлинские газеты, сообщая о краже у русской танцовщицы Тины Бутлер бриллиантов, по неизвестной причине именовали ее артисткой русского императорского балета¹³³.

Учитывая социальный состав русской эмиграции и необходимость контактов с немцами при решении повседневных задач, само собой разумеется, что замкнутость русской общины не могла перерасти в изоляцию. Условия жизни диктовали необходимость взаимодействия с немцами. Наиболее активными в этом смысле являлись коммерсанты и младшее поколение эмиграции первой волны – дети¹³⁴ и студенты. Неслучайно в привлеченном нами комплексе мемуаров рядовых берлинцев

¹³¹ Так шутливо был прозван проспект Kurfürstendamm, где было много русских заведений.

¹³² Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 6.

¹³³ Руль. 1921. 15 декабря.

¹³⁴ В Берлине было открыто только две небольшие русские школы, и большинство детей учились на дому или посещали обычные немецкие школы.

о 1920-х гг. единственное из двух десятков¹³⁵ воспоминание о русском эмигранте – это воспоминание Клауса Броккерхофа об однокласснике по имени Фёдор. Мать Фёдора работала в чайной, растила сына одна и в непростом материальном положении, и Клаус делил с ним в школе свою еду. Воспоминание содержит информацию о том, что Фёдор стал полноценным членом немецкой подростковой компании и отлично изъяснялся на берлинском диалекте¹³⁶.

Сближение русских и немцев происходило и на почве социальной и чаще - профессиональной близости. Помимо культурных деятелей и коммерсантов, оказывали друг другу помощь и представители студенчества, ветеранов, юристы, машинисты, врачи. Так, немецкая коллегия адвокатов (Anwaltskammer) предоставила русскому союзу присяжной адвокатуры в пользование одно из своих помещений¹³⁷; русские и немецкие машинисты встречались для совместного продвижения на рынке и устранения конкуренции между собой¹³⁸, а русские и немецкие студенты осенью 1921 г. совместно запасали продукты и предметы первой необходимости¹³⁹.

Не только описанный выше комплекс причин обособленности русских, но и экономические противоречия мешали процессу сближения даже в кругах представителей дружелюбно настроенных интеллигентных профессий. Так, мнения немецких врачей разделились при ответе на запрос д-ра Нибурга о допуске русских к врачебной практике в немецких клиниках. Некий профессор Краузе одобрил эту идею, а проф. Зоммер возражал, мотивируя это удручающим положением самих немецких врачей¹⁴⁰. Роль социально-экономических противоречий между немцами и иностранцами в

¹³⁵ См. Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit; Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933 / Herausgegeben von Jürgen Kleindienst. Reihe ZEITGUT, Bd 3. Berlin: Zeitgut Verlag, 2004; Erinnerungen und Dokumente von Joh. Victor Bredt 1914 bis 1933 / bearbeitet von Martin Schumacher. Herausgegeben von Karl Dietrich Bracher, Erich Mattias und Rudolf Morsey. Düsseldorf: Droste Verlag, 1970; Хафнер С. История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха / Пер. с нем. Никиты Елисеева под редакцией Галины Снежинской. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2016.

¹³⁶ Brockerhoff K. Auf dem Weg ins Dritte Reich. // Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933. S. 330 – 353.

¹³⁷ Руль. 1920. 21 декабря.

¹³⁸ Руль. 1921. 19 июля.

¹³⁹ Руль. 1921. 16 ноября.

¹⁴⁰ Руль. 1921. 4 июня.

судьбе русской эмиграции в Германии нуждается в дополнительном рассмотрении в рамках этой главы. Одной из форм, в которой они проявлялись, являлся немецкий национализм.

На национализме как факторе отношений немцев и русских эмигрантов стоит остановиться отдельно. С наступлением пика кризиса и гиперинфляции в 1922 – 1923 гг. накалились все общественные противоречия, и национальные предрассудки, подогреваемые правыми политическими группировками, неизбежно ощущались беженским сообществом. В этот период антисемитская риторика национал-социалистов (НСДАП) Немецкой национальной народной партии (НННП) обрели электоральный успех¹⁴¹. Исследования локальных и общегерманских выборов показывают четкую корреляцию экономического кризиса и роста националистических настроений в 1922 – 1924 гг. и в 1929 г.¹⁴². На выборах в рейхстаг 4 мая 1924 г. НННП получила 19,5%¹⁴³, НСДАП – 6,6% голосов¹⁴⁴ (95 и 32 мест в парламенте из 472¹⁴⁵).

Русско-еврейские публицисты в Германии отмечали резкий подъем антисемитизма и чутко реагировали на эту тенденцию¹⁴⁶. Проявления антисемитизма имели для всего русского эмигрантского сообщества большое значение, так как евреи были в ней третьей по величине национальной группой. Г. Чеботарев вспоминал, что многие иностранцы в Берлине, в том числе польские и русские евреи, стали

¹⁴¹ Childers Th. The Nazi voter: The social foundations of fascism in Germany, 1919-1933 / Thomas Childers. Chapel Hill; London: Univ. of North Carolina press, Cop., 1983. P. 76.

¹⁴² Schaap, K. Die Endphase der Weimarer Republik im Freistaat Oldenbourg 1928-1933. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978. S. 240.

¹⁴³ Bracher, K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik: e. Studie zum Problem d. Machtverfalls in d. Demokratie/ Karl Dietrich Bracher. Unveränd., mit e. Vorw. vers. Nachdr. d. 5. Aufl. (1971). Königstein/Ts.: Athenäum-Verlag; Düsseldorf: Droste, 1978. S. 76.

¹⁴⁴ Ebd. S. 96.

¹⁴⁵ Die Weimarer Republik. Ihre Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten. / Herausgegeben von F.A. Krummacker und Albert Wucher, unter Mitwirkung von Prof. Dr. Karl Otmar Freiherr von Aretin, mit. e. Vorw. Von Prof. Dr. Karl Holzamer. München, Verlag Kurt Desch, 1965. S. 186.

¹⁴⁶ Schlögel K., Tschäpe K. Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Berlin: Matthes & Seitz, 2014. S. 17.

выгодоприобретателями гиперинфляции, покупая за гроши имущество, чем вызывали раздражение у наблюдавших это разоренных немцев¹⁴⁷.

Рост националистических настроений находил выражение не только в антисемитизме, изредка проявлявшемся даже в форме открытого насилия¹⁴⁸, но в неприязни к иностранцам вообще. И. Эренбург вспоминал, как в пивной на Александерплац выступал сторонник Гитлера и выражал надежду, что нацисты «приберут к рукам французов, евреев, шиберов и русских». Самого Эренбурга в одном из берлинских трамваев обозвали «польской собакой»¹⁴⁹. Деятеля американской YMCA профессора Уиттмора, заботившегося о русских студентах, какой-то немец на улице сильно толкнул и назвал «проклятым иностранцем» (*verfluchter Ausländer*)¹⁵⁰. По словам Гессена, русские эмигранты «не могли не чувствовать себя инородным телом», особенно по мере того, как они «из гостей превращались в сожителей»¹⁵¹. Первые встречи сменились взаимодействием, пересечением интересов, вступающих в противоречия, усугубленные культурными, правовыми и социальными различиями.

Включение иностранцев в экономическую жизнь усиливало напряжение в рамках высококонкурентного рынка труда. В. Андреев указывал на экономическую дискриминацию не только в непосредственной борьбе за рабочие места, но и со стороны немцев-потребителей: когда он продавал бытовую электронику, «патриотически настроенные буржуа не покупали технику у иностранца»¹⁵².

Всякое крупное национальное сообщество, оказавшись за границей, дает немало поводов для националистических настроений. «Громкие преступления, приписываемые иностранцу, оборачивались «суровым

¹⁴⁷ Чеботарев Г. Правда о России. С. 362.

¹⁴⁸ Oltmer J. Flucht- und Zwangswanderungen in der Zwischenkriegszeit. S.2.

¹⁴⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. С. 22 – 23.

¹⁵⁰ Чеботарев Г. Правда о России. С. 355.

¹⁵¹ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 33.

¹⁵² Цит. по: Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. С. 183.

недоброжелательством» к иностранцам», - вспоминал И. Гессен¹⁵³. Преступления и аферы, нередко совершавшиеся по экономическим мотивам, попадали в прессу, особенно когда потерпевшей стороной оказывались высшие слои немецкого общества. Так, в начале 1922 г. освещался случай Николая Малахова, петроградского актера, который сперва выдавал себя за профессора судебной медицины, а после – за «князя Голицына». Играя свою новую роль, он вошел в круг немецких аристократов, у которых одалживал крупные суммы денег, не имея намерения вернуть – за что и был арестован¹⁵⁴. Один подобный случай, хотя и произошел в 1927 г. и выходит за хронологические рамки рассматриваемого нами периода, стоит упоминания, так как произвел особенно сильный резонанс. Возмущение немецкой общественности и лично Вильгельма II вызвал двадцатипятилетний Александр Зубков, женившийся на 62-летней сестре кайзера Фредерике Амалии Вильгельмине Виктории. После ее смерти в 1929 г. он был обвинен в растрате 3 миллионов долларов из состояния императорской фамилии и вымогательствах денег¹⁵⁵. Девиантное поведение эмигрантов неизбежно подогревало неприязненное к ним отношение и укрепляло восприятие их крупного сообщества как «обременительных иностранцев».

Проявления националистической неприязни, дополнявшие картину неблагоприятной среды, в которой развивалось эмигрантское сообщество – хотя и важный, но не ключевой фактор, побудивший русских эмигрантов массово покидать Германию в 1923 г. Национализм, с которым столкнулись беженцы носит бытовой, а не политический характер, и не оказывал сильного непосредственного воздействия. Даже Адольф Гитлер называл русских эмигрантов лишь «жертвами еврейских заговоров»¹⁵⁶.

¹⁵³ Гессен И.В. Годы изгнания. С. 208. .

¹⁵⁴ Руль. 1922. 23 февраля.

¹⁵⁵ Данилевский А.А. Размышления по поводу «Суда над русской эмиграцией» Дон-Аминадо. // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. / Сб. статей. Редакторы-составители А. Данилевский, С. Доценко. Таллинн: ACTA Universitatis Tallinnensis, 2012. С. 100.

¹⁵⁶ Kellogg M. The Russian roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Published in the United States of America by Cambridge University Press. New York, 2005. P. 142.

Беспокойство, вызываемое развитием немецкого национализма, стало дополнительным фактором по отношению к социально-экономическим противоречиям немцев и иностранцев.

Противоречия находили выражение в национально окрашенном бытовом раздражении и общественном дискурсе о нежелательности присутствия эмигрантов в германской экономике¹⁵⁷. Главным же фактором массового отъезда эмигрантов из Германии стали социально-экономические проблемы, обострившиеся на пике кризиса 1923 г. Характерно, что упомянутый выше инцидент, случившийся с проф. Уиттмором, описывается Чеботаревым как ставший «последней каплей» при принятии профессором решения переехать во Францию, но не как основной аргумент в его пользу¹⁵⁸.

Усиление ограничительной политики, накал кризиса в 1923 г. и дефляция разрушили социально-экономический фундамент, поддерживавший большую часть русской диаспоры в Германии. Осталось меньшинство – те, кто в силу различных факторов глубже пустил корни, глубже погрузился в процесс интеграции.

¹⁵⁷ *Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. S. 193.*

¹⁵⁸ *Чеботарев Г. Правда о России. С. 355.*

Заключение

В результате исследования эмигрантской прессы и комплекса нарративных источников мы пришли к выводу, что многочисленные русские эмигранты в Германии адаптировались как сообщество, в рамках которого они воспроизводили знакомые им формы экономического и социального взаимодействия. Анализ рекламных объявлений 1920-1921 гг.¹ показывает, что экономически активные эмигранты воссоздали в Берлине привычную им городскую рыночную структуру. Доминировали ниши, направленные на удовлетворение повседневных потребностей эмигрантов – торговля (43,28% объявлений) и услуги (32,48%). Необычно высокой на рынке оказалась доля торговли драгоценностями (16,82%) – свидетельство бедственного положения значительной части беженцев, компенсировавших недостаток доходов продажей личного имущества. Значительная часть объявлений – о розысках людей (9,53%), что говорит о массовой утрате русскими даже самых близких социальных связей и сопутствующей этому психической травме.

Одним из инструментов социально-экономической адаптации эмигрантов в Берлине через воспроизводство привычной социально-экономической среды стала замкнутость эмиграции. Стремление к компактному проживанию объясняется ориентацией русских беженцев на соотечественников при решении повседневных задач, сформированной в результате комплекса психологических, социальных и политических мотивов. Значительная доля не только культурной, но и экономической активности проявлялась в рамках русского сообщества, почти в изоляции от окружающего немецкого рынка, вступление на который отягощалось необходимостью приобретения языковых, социальных и иных навыков. Так, в 1920 – 1921 гг. в газете «Руль» из 12 237 рекламных объявлений только 92

¹ См. Приложение № 4.

написаны на немецком языке². Социальная группа эмигрантов, использовавшая имеющиеся у них капиталы, навыки, социальные связи и фактор инфляции, в свою очередь, обеспечивала экономическую адаптацию значительной группы соотечественников, обслуживавших коммерческие и бытовые потребности «устроившейся» прослойки. Эта социальная структура подтверждается материалами контент-анализа «Руля» и комплексом нарративных источников. Объявления 1920 – 1921 гг., предлагающие работу (454), исходят от экономически активной группы эмигрантов с относительно высоким уровнем жизни.

Рядовой житель русского Берлина уже в конце 1920 г., когда русская колония стала многочисленной, мог в его пределах найти все необходимые для повседневных задач институты. В случае крайней экономической дезадаптации беженцы имели возможность обратиться к русским и иностранным общественным организациям. Их деятельность в Германии в 1919-1923 гг. можно охарактеризовать как успешную с точки зрения количества адресатов оказанной ими помощи в процессе адаптации в Германии. Несколько тысяч беженцев обретали кров, денежные пособия, информационную поддержку, иную помощь, и самые важные инструменты адаптации – работу и образование.

Тем не менее, эмиграцию отличало массовое экономическое неблагополучие, о чем свидетельствуют мемуары, письма и газета «Руль», в 1921 г., помимо призывов о помощи неимущим соотечественникам, не менее 22 раз публиковавшая заметки о тяжелом материальном положении русских в Германии, «крайне нуждающихся», «ободренных и обобренных» и т.д. В 1919 – 1923 гг. среди эмигрантов стало распространенным восприятие своего тяжелого положения как временного, после которого последует возвращение в Россию. В первые годы эмиграция ожидала поражения большевиков в Гражданской войне, а после – трансформации их

² Их количество увеличилось в период после 1923 гг. в связи с постоянным оттоком русской эмиграции из Германии.

режима и преодоления последствий войны. Отталкиваясь от идеи возможного скорого возвращения домой, русские беженцы, ориентировались на адаптацию в кратковременной перспективе - на решение самых насущных проблем. Замкнутость эмигрантского сообщества соответствовала текущим задачам эмиграции и делала возможным для многих эмигрантов отказ от трудностей интеграции, нацеленной на постоянное проживание в Германии. С другой стороны, обособленность русской колонии препятствовала социокультурной интеграции, снижая количество контактов большинства русских и немцев в Берлине. Социокультурная адаптация эмиграции в Германии до 1923 г. оставалась незначительной.

Сообщество, функционировавшее как целое благодаря наиболее экономически и общественно активной его прослойке, инфляции, готовности к взаимопомощи, при резком ухудшении экономической конъюнктуры в 1923 г. оказалось по причине своей замкнутости перед угрозой трансформации в группу, которая в долговременной перспективе могла оказаться социально, экономически дискриминируемой, с гораздо более низким по сравнению с местным населением уровнем жизни и социальной безопасности. Но вместо этого русские эмигранты в большом количестве покинули Германию – к 1925 г. в Берлине, вероятно, оставалось менее трети от сообщества 1922 – 1923 гг. Отток продолжался, пока в начале 1930-х гг. остались в Германии единицы, а большая часть переместилась в другие страны Европы, прежде всего, во Францию, и за океан.

Неверно было бы интерпретировать такой финал адаптационного процесса русских эмигрантов в Германии как неудачу: история русской эмиграции в стране, страдавшей от результатов поражения в мировой войне, оказалась *прерванной*, в первую очередь, чудовищным экономическим кризисом 1922 – 1923 гг., беспрецедентной гиперинфляцией немецкой марки и, наконец, последовавшей дефляцией, лишившей благоприятных

условий обладателей валютных доходов. Экономический кризис провоцировал давление германских властей на иностранцев для защиты национального рынка труда и агрессивные националистические настроения у немцев.

В Германии остались обладатели стабильной работы, доходов и социальных связей. Успешная социализация в немецкой среде наблюдалась, в первую очередь, в группах русских немцев, коммерсантов, деятелей искусства, студентов и младшего поколения эмигрантов. Большая часть детей эмигрантов посещала немецкие школы³ (Берлине было всего 2 маленькие русские школы), студенты имели доступ к социализации в профессиональной среде и востребованному немецким рынком труда и признанному государством образованию. Таким образом, младшее поколение эмиграции обладало многими преимуществами в процессе адаптации, и к 1923 г. эта группа эмиграции отличалась более высоким уровнем интеграции.

При оценке процесса адаптации у групп эмиграции, покинувших Германию, следует учитывать, что эмигранты отличались высокой мобильностью в рамках Европы и активно развивали коммуникацию между русскими общинами. Неблагоприятные условия для проживания в Германии побудили русских перемещаться в другие страны, отказавшись от дальнейшей интеграции в немецкое общество. Мобильность эмигрантов следует интерпретировать как проявление высокого адаптационного потенциала в контексте истории эмиграции в Европе, а не изолированно в Веймарской Германии, где в экстремальных условиях только наиболее подготовленные и уже длительное время включенные в социализацию в среде немцев русские беженцы оказались способны к продолжению интеграции. Уехавшие после 1923 г. более или менее успешно адаптировались в других странах.

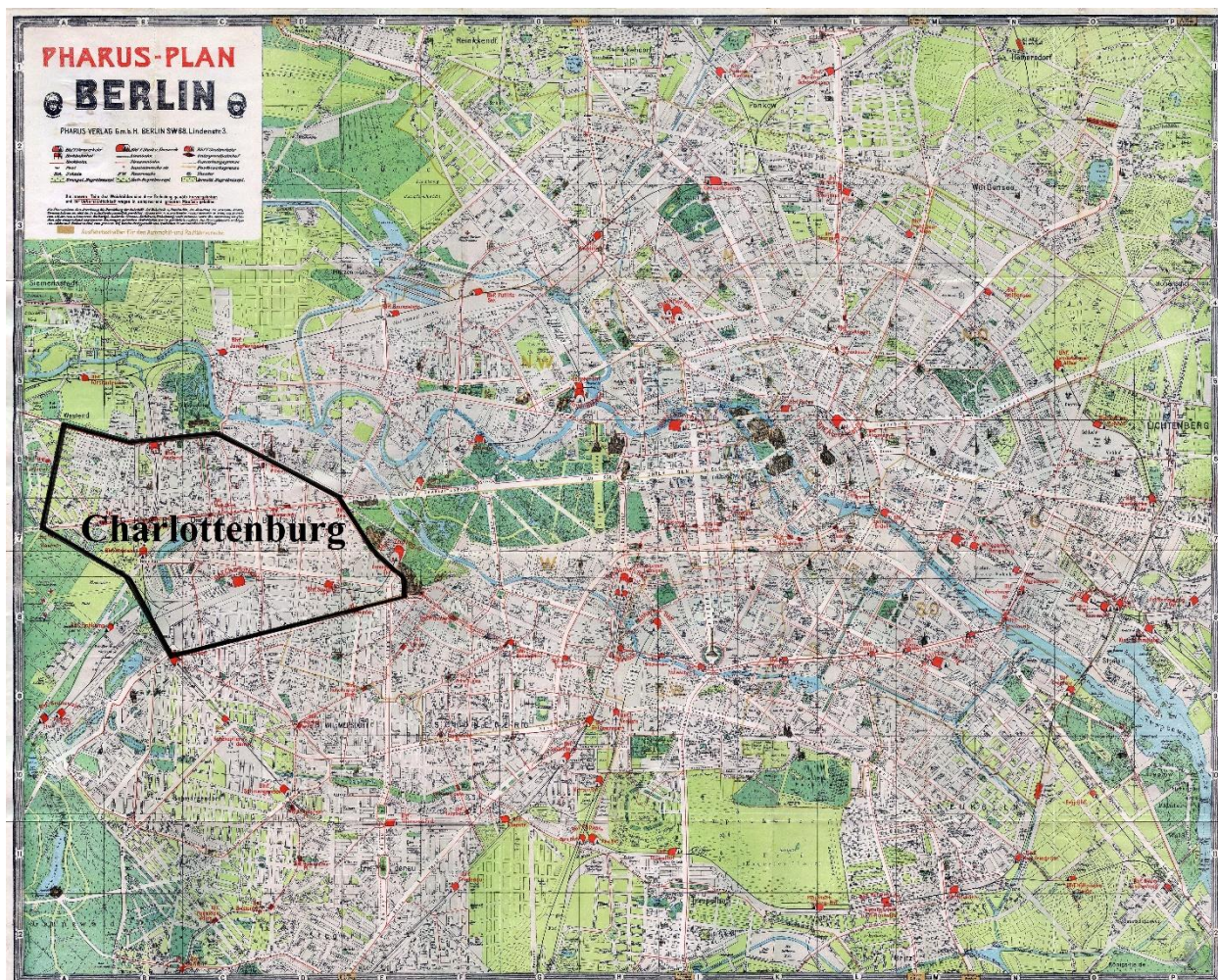
³ : Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 163.

Русские эмигранты не только первой, но и последующих волн, демонстрируют высокие шансы на успешную адаптацию в европейской среде, будучи носителями родственной культуры. При более благоприятной, чем в Веймарской Германии, экономической конъюнктуре и преодолении стремления к замкнутости русские эмигранты интегрировались в Западной Европе и Северной Америке до степени, при которой уже второе поколение эмиграции неизменно оказывалось перед перспективой утраты русской идентичности и ассимиляции.

Дальнейшее изучение коммуникационных каналов эмиграции, эмигрантской периодической печати и других источников позволит глубже исследовать проблемы адаптации и, в целом, социальную историю русских в Германии.

Приложения

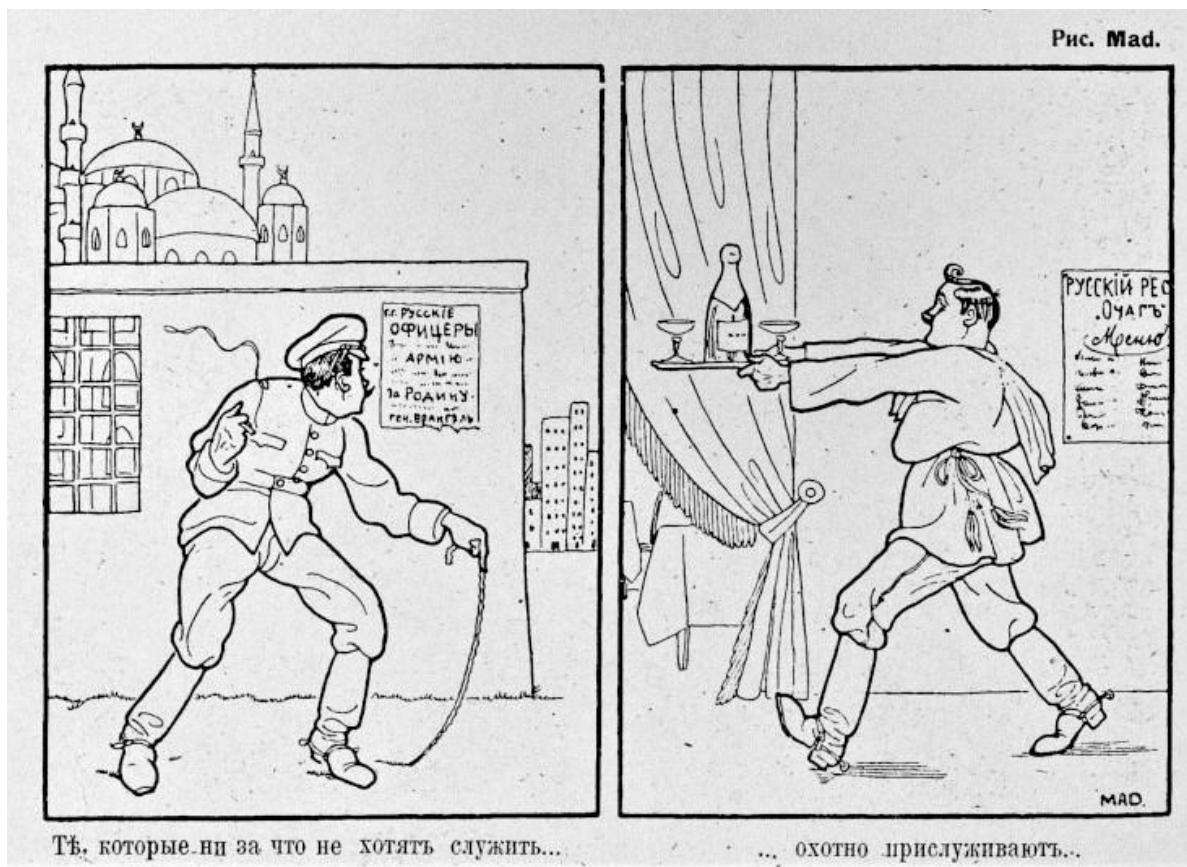
Приложение № 1

Карта Берлина, 1921 г.¹ Нами выделен Шарлоттенбург – район, где проживала большая часть русских эмигрантов.

¹ Pharus Plan Berlin. Grosse Ausgabe mit Vororten. Berlin: Pharus Verlag., 1921.

Приложение № 2²

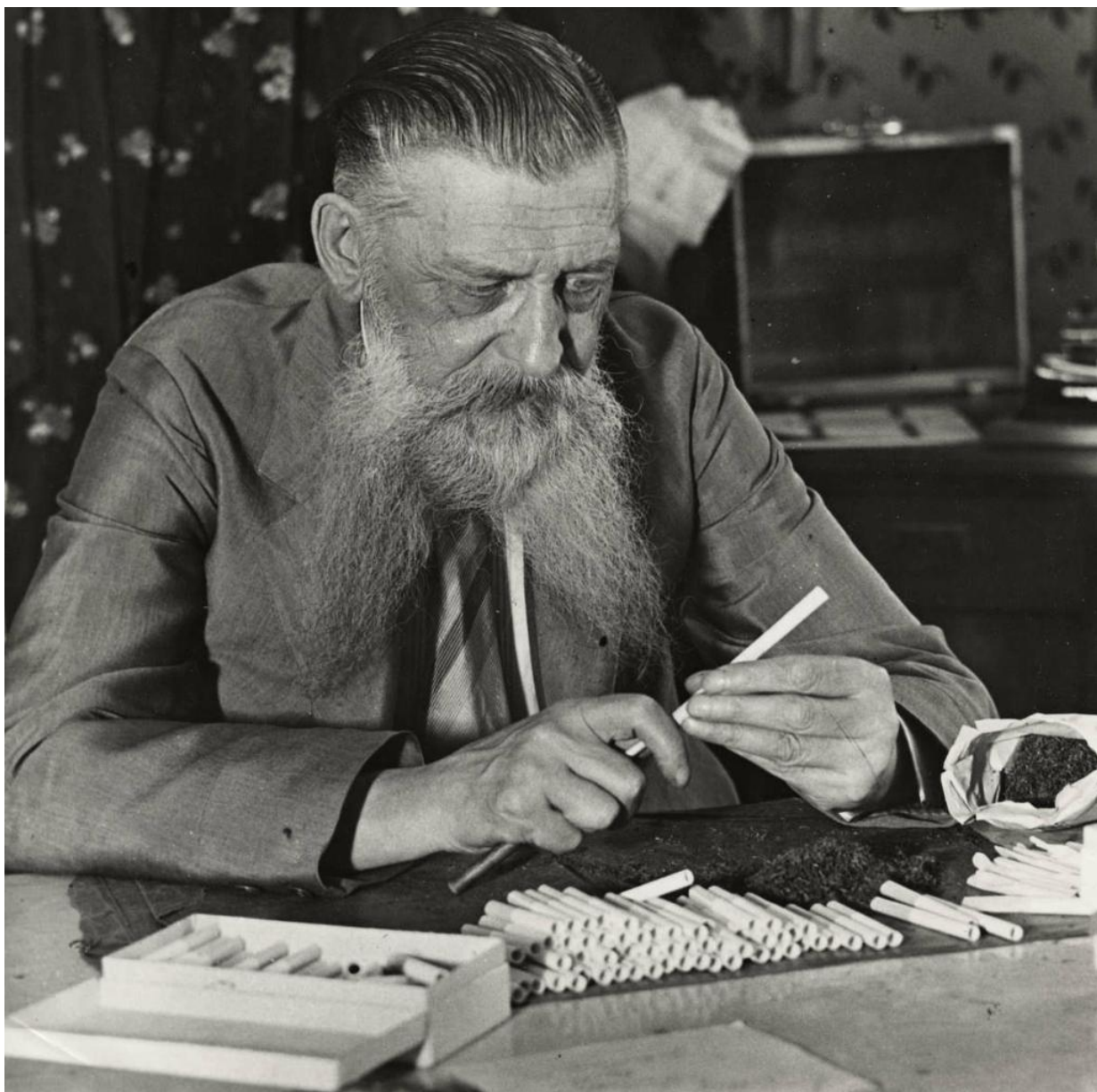
Приложение № 3

Эмигранты изготавливают кресты в мастерской при русском кладбище Тегель³. Берлин, ок. 1925 г.

² Mad. Русские беженцы. // Бич. 1920. Август. № 1. С. 8.

³ Schlögel K. Stiefmütterchen Berlin. // ZEIT Geschichte, № 4/2015, 17. S. 1. Доступно из: <http://www.zeit.de/zeit-geschichte/2015/04/russen-in-deutschland-berlin-charlottenburg-russlanddeutsche-wuensdorf> (15.02.2017)

Генерал фон Фусс зарабатывает набивкой папирос. Берлин, 1930 г.⁴

⁴ Жизнь русских эмигрантов. // Фотохронограф. Доступно из: <http://photochronograph.ru/2016/12/29/zhizn-russkix-emigrantov/> (16.02.2017)

Бывший капитан гвардейского полка барон фон Руктешель ежедневно играет на гитаре в цыганском оркестре в Берлине. 1930 г. ⁵

⁵ Там же.

Русские студенты в общежитии подрабатывают ремонтом обуви. Фото: Джон Грауденц⁶.

⁶ Russen in Berlin: eine kulturelle Begegnung; 1918 – 1933 / hrsg. von Fritz Mierau. Weinheim, Berlin: Quadriga-Verlag, 1988. S. 157.

Приложение № 4

Рекламные объявления в газете «Руль» в 1920 – 1921 гг.⁷. Результаты анализа⁸.

Категория объявлений	Кол-во	Доля
Торговля драгоценностями (ломбарды, ювелирные магазины)	2 059	16,82%
Торговля (все другие товары)	3 237	26,46%
Услуги (медицинские, туристические, гастрономические, юридические, ремонт и др.)	3 972	32,48%
Образование	559	4,56%
Культурные мероприятия (русские балы, спектакли, концерты, благотворительные вечера)	556	4,54%
Предложение работы	454	3,71%
«Розыски» - объявления о поиске людей	1 167	9,53%
Прочее (некрологи, предложение обмена марками, жильем, предложения сотрудничества и др.)	233	1,9%
Всего	12 237	100%
На немецком языке	92	

⁷ Руль. 1920 – 1921.

⁸ Возможна статистически незначительная погрешность в виду технических ошибок при подсчете.

Георг Гросс. Карикатура 1924 г. под названием «Цыганская музыка», «Волга, Волга» или «Эмигрантское заведение»¹⁰. На другом экземпляре этой карикатуры пьющие шампанское под цыганскую музыку русские эмигранты изображены с подписью “Gott, segne den Zaren” («Боже, царя храни»), что подчеркивает их монархические взгляды¹¹.

¹⁰ *Grosz G. Zigeunermusik. Sign. und num. Orig. – Fotolithografie. Düsseldorf. Galerie Flechtheim, 1924. // Ketterer Kunst. Доступно из: <http://www.kettererkunst.de/kunst/kd/details.php?obnr=411501715&anummer=426&detail=1> (29.03.2017)*

¹¹ *Гросс Г. Мысли и творчество. / пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1975. С. 99.*

Список использованных источников и литературы

Источники

Гросс Г. Мысли и творчество. / пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1975.

Миры Андрея Белого / Под ред. проф. д-ра Александра Вранеша. Белград: Издательство филологического факультета в Белграде, 2011.

Ремарк Э.М. Три товарища / Собрание сочинений в 5-и т. Т.2. М.: «Внешторгиздат», 1991.

Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. 2-е изд., испр. Paris, М.: YMCA-Press, Русский путь, 2003.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Том 1. Так начиналось изгнание. 1920 – 1922 гг. Книга вторая. На чужбине. Москва, Издательство «Гея», 1998.

Шкловский В. Zoo. Письма не о любви или Третья Элоиза. Берлин, 1923. Доступно из: [<http://www.marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml>][17.03.2017]

The Weimar Republic sourcebook / ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1995.

Grosz G. Zigeunermusik. Sign. und num. Orig. – Fotolithografie. Düsseldorf. Galerie Flechtheim, 1924. // Ketterer Kunst. Доступно из: <http://www.kettererkunst.de/kunst/kd/details.php?obnr=411501715&anummer=426&detail=1> (29.03.2017)

Nansen F. Russland und die Welt. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1922.

Die Weimarer Republik. Ihre Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten. / Herausgegeben von F.A. Krummacker und Albert Wucher, unter Mitwirkung von Prof. Dr. Karl Otmar Freiherr von Aretin, mit. e. Vorw. Von Prof. Dr. Karl Holzamer. München, Verlag Kurt Desch, 1965.

Pharus Plan Berlin. Grosse Ausgabe mit Vororten. Berlin: Pharus Verlag G.m.b.H., 1921.

Russen in Berlin: eine kulturelle Begegnung; 1918 – 1933 / hrsg. von Fritz Mierau. Weinheim, Berlin: Quadriga-Verlag, 1988.

Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film. / Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1990.

Statistisches Taschenbuch der Stadt Berlin. Berlin: Statistisches Amt der Stadt Berlin, 1924.

Периодическая печать

Бич. 1920. Август. № 1.

Время. 1921.

Руль. 1920 – 1923.

Рот Й. Берлин и окрестности: [сб. статей и очерков]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.

Сатира и юмор русской эмиграции. Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998.

Berliner Tageblatt, 24.12.1921

Мемуары

Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979.

Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Хафнер С. История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха / Пер. с нем. Никиты Елисеева под редакцией Галины Снежинской. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2016.

Чеботарев Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга третья и четвертая. М., «Советский писатель», 1963.

Metternich T. Bericht eines ungewöhnlichen Lebens. Augsburg: Goldmann Verlag, 1976.

Stöckchen-Hiebe. Kindheit in Deutschland 1914 – 1933 / Herausgegeben von Jürgen Kleindienst. Reihe ZEITGUT, Bd 3. Berlin: Zeitgut Verlag, 2004.

Alltag in der Weimarer Republik. Kindheit und Jugend in unruhiger Zeit. /Herausgegeben von Rudolf Pörtner. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993.

Erinnerungen und Dokumente von Joh. Victor Bredt 1914 bis 1933 / bearbeitet von Martin Schumacher. Herausgegeben von Karl Dietrich Bracher, Erich Mattias und Rudolf Morsey. Düsseldorf: Droste Verlag, 1970.

Литература

Александров С. Возникновение зарубежной России. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 15. М.: АИРО-XX, 2006.

Баев В. Г., Германское государство в межвоенный период 1919-1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60-80-х гг. XX в.: Монография / В. Г. Баев; М-во образования Рос. Федерации, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.

Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918 – 1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013

Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001.

Жуков В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; науч. Редактор В.Ю. Черняев. СПб: СПбГАСУ, 2011.

Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.

Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М.: СПАС, 1999.

Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. / пер. с англ. М.: "Искусство", 1977.

Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. / Сб. статей. Редакторы-составители А. Данилевский, С. Доценко. Таллинн: АСТА Universitatis Tallinnensis, 2012.

Попов А.Н. Русский Берлин / А.Н. Попов. М.: Вече, 2010.

Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. Истории. М.: Наука, 2005. Вып. 1, 2. / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005 – 2008.

Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. [Текст]: библиометрический анализ: моногр. / А. А. Пронин. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009

Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006.

Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. / Авт. перев. с финск. Л.В. Суни. СПб: Издательский дом «Коло», 2004.

Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919 – 1939) / Г.А. Тиме; [отв. ред. Р.Ю. Данилевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Урядова А.А. Голод в 1920-х гг. в России и Русское Зарубежье / Анна Урядова. СПб: Алетейя, 2010.

Хрисанфов В.И. Российский "исход": мифы и реальность: историографическое исследование о численности "первой волны" российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб, 2014.

Хрусталева Н.С. Психология эмиграции. Социально-психологические и личностные проблемы. / Автореферат диссертации на соискание ст. д-ра психологических наук. СПб, 1996. Доступно из: <http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-emigratsii-sots-psikhol-i-lichnost-problemy> (12.06.2016)

Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Childers Th., The Nazi voter: The social foundations of fascism in Germany, 1919-1933 / Thomas Childers. - Chapel Hill; London: Univ. of North Carolina press, Cop. 1983.

Kellogg M. The Russian roots of Nazism. White Emigr´es and the Making of National Socialism, 1917–1945. Published in the United States of America by Cambridge University Press. New York, 2005

Anderle, A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922 – 1929. Berlin: Rütten & Loening, 1962.

Bracher, K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik: e. Studie zum Problem d. Machtverfalls in d. Demokratie/ Karl Dietrich Bracher. Unveränd., mit e. Vorw. vers. Nachdr. d. 5. Aufl. (1971). Königstein/Ts.: Athenaeum-Verlag; Düsseldorf: Droste, 1978.

Böhmig M. Das russische Theater in Berlin 1919 – 1931 / Michaela Böhmig. München: Sagner, 1990.

Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.

Root E. Die in der Zwischenkriegszeit (1919 – 1939) in Deutschland herausgegebene russischsprachige Presse und die Perspektiven ihrer

Digitalisierung / von Evgeniya Root. Berlin: Institut für Bibliotheks- und Informationswissenschaft der Humboldt-Universität zu Berlin, 2014.

Schaap, K. Die Endphase der Weimarer Republik im Freistaat Oldenbourg 1928-1933. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978.

Schlögel K., Tschäpe K. Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Berlin: Matthes & Seitz, 2014.

Статьи

Жизнь русских эмигрантов. // Фотохронограф. Доступно из: <http://photochronograph.ru/2016/12/29/zhizn-russkix-emigrantov/> (16.02.2017)

Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 3-4. 2012. С. 132 – 144.

Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социо-культурный феномен. С. 155-184. // Мир России, 1997, №3.

Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции. С. 253 – 255 // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 1.

James E. Casteel. The Russian Germans in the Interwar German National Imaginary // Central European History, Vol. 40, No. 3 (Sep., 2007), pp. 429 – 466. Cambridge University Press on behalf of Conference Group for Central European History of the American Historical Association.

Williams R.C. “Changing Landmarks” in Russian Berlin, 1922-1924. pp. 581 – 593. // Slavic Review, Vol. 27, № 4, 1968. Association for Slavic, East European, and Eurassian Studies.

Sheldon R. Shklovsky's “Zoo” and Russian Berlin // The Russian Review, Vol. 29, No. 3 (Jul., 1970), pp. 262 – 274. Published: Wiley on behalf of The Editors and Board of Trustees of the Russian Review.

Bevölkerungsentwicklung. // Berlin.de / Bezirksamt Charlottenburg-Wilmersdorf. Доступно из: <https://www.berlin.de/ba-charlottenburg->

wilmersdorf/ueber-den-bezirk/sonstiges/zahlen-und-fakten/artikel.229920.php
(09.03.2017)

Baur J. Russische Emigranten in Bayern, 1918-1945. // Historisches Lexikon Bayerns, 2006. Доступно из: [http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Russische Emigranten in Bayern, 1918-1945](http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Russische%20Emigranten%20in%20Bayern,%201918-1945). (26.01.2017)

Bulgakova O. Typologie des russischen Emigrantenfilms. Russische Film-Emigration in Deutschland. S. 35 – 57. // EUROPA ORIENTALIS 14. 1995, № 2.

Borosnjak A., Oberloskamp E. Das „Russische Deutschland“ in den zwanziger Jahren. S. 65-75. // Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung – Das 20. Jahrhundert. Herausgegeben von Horst Möller und Alexander Tschubarjan. München: Oldenbourg Verlag, 2014.

Drahn E. Russische Emigration. Eine kulturstatistische Studie // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics, Bd. 89, H. 1 (1930). pp. 124 – 130. Mohr Siebeck GmbH & Co. KG.

Oltmer J. Flucht- und Zwangswanderungen in der Zwischenkriegszeit. // Bundeszentrale für politische Bildung, 2005. S. 1. Доступно из: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossiermigration/56357/zwischenkriegszeit?p=all> (25.11.2016)

Schlögel K. Stiefmütterchen Berlin. // ZEIT Geschichte, № 4/2015, 17. S. 1. Доступно из: <http://www.zeit.de/zeit-geschichte/2015/04/russen-in-deutschland-berlin-charlottenburg-russlanddeutsche-wuensdorf> (15.02.2017)